

ИГОРЬ МЕРЦАЛОВ

**ДЖИНН
ИСКРЮГАЙ
В ЛЮБВИ
И НА ВОЙНЕ**

12+

Игорь Мерцалов

**Джинн Искрюгай
в любви и на войне**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мерцалов И. В.

Джинн Искрюгай в любви и на войне / И. В. Мерцалов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Джинны — славное племя, а слава может быть только военной. Красавица Жарым посмеялась над нежными чувствами Искрюгая, ведь он пока только якшался со смертными, нахватываясь ненужных наук и сомнительных идей. Из неловкого положения Искрюгая выручает война с маридами — извечными врагами джинов. Он отправляется с армией на Хлаадун — безжизненный остров, заинтересовавший вдруг и марилов, и смертных. И, возможно, разгадать тайну смогут именно жалкие смертные, молодой джинн-пацифист и не понятая сородичами юная марида, встреча с которой ждёт Искрюгая в подземельях загадочного Хлаадун.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора

Глава 1 Джинны на курорте

Над бескрайними просторами Воравийской пустыни летела небольшая тучка, а на тучке путешествовали три джинна. Все трое были молоды – самому старшему едва перевалило за семьсот. Летели они домой из северных стран, окончивши службу.

Служить им довелось в разных местах, так что встреча их была случайной. Но, поскольку происходили все трое из одних краёв, то знали друг друга отлично и всю дорогу провели в оживлённой беседе.

Поговорить было о чём.

– Да, видит Создатель, нелегко со смертными. Хотя, должно быть, надоел я вам, братья, со своими жалобами? – спросил один из них, по имени Отжигай, мускулистый крепыш с простоватым круглым лицом, отлично приспособленным для радостной улыбки.

– Не говори так, брат, – ответил тот, что постарше, высокий и утончённый; звали его Полыхай. – Мы тебе глубоко сочувствуем. Но пора уже оставить отчаяние и забыть случившееся, как страшный сон. Ты отслужил свои два года – что такое два года для нас, бессмертных?

– Два года смертной скуки, – вздохнул Отжигай.

– Зря ты так, – отозвался Искрюгай, третий из джиннов, самый молодой – он лишь недавно отметил своё шестисотлетие. – Ты хоть на ходу был, а я в бутылке сидел. Только раз в год на техосмотре и разминался...

– Зато ты полезное дело сделал, медаль получил! – чуть не всхлипнул Отжигай. – А я... Ай, болван я был, болван! Когда предложили в джинномобиле поработать – радовался! Думал: адмирала буду возить, он будет везде успевать, «Спасибо, Отжигай», – говорить. А меня запихнули в кабриолет да продали какому-то мальчишке, сыну уважаемых, наверное, но не очень умных родителей. Два года его по кабакам возил, и что слышал? «Спасибо, Отжигай», – слышал? Нет! «Опять стучишь, железяка проклятая», – слышал. А у них там снег зимой, холодно! Уж и не постучи зубами на морозе...

Полыхай с Искрюгаем сочувственно пощёлкали языками.

– Ничего, в другой раз повезёт со службой, – сказал Искрюгай.

– Не повезёт, – упрямо мотнул головой разнесчастный Отжигай. – Я ведь к технике привык уже. На флот бы пошёл, как раньше, винты крейсера крутить, да не берут. У смертных теперь своя магия, паровые котлы, всё такое... Можно куда-нибудь в глушь, на рыболовное судно, но какой там почёт? Я сын великого воина, я на военную службу хочу.

Тут все трое вздохнули вполне искренне, потому что каждый был сыном великого воина, но военную карьеру сделать шансов почти не имел.

Впрочем, что касается Искрюгая, он и особого желания к тому не испытывал, хоть и стеснялся говорить об этом даже в компании друзей. Просто так уж исстари заведено: уважаемый джинн – это воин, а гражданский – это так... Будь ты хоть дипломат, хоть спасатель с медалью.

– Ты ведь тоже на флоте служил раньше? – неожиданно переключился со своих горестей Отжигай.

– Ну да, – кивнул Искрюгай.

– А чего же ушёл?

– Попросили меня. У смертных сейчас ковры-самолёты в большой моде. На флоте есть кому служить, а в воздухе спасателей не хватает. Вот меня и попросили полетать, опыта набраться, потом смену обучить.

– А что, дело хорошее, хоть и гражданское. Слушай, Искрюгай, а ты не мог бы за меня похлопотать? Пускай тоже на ковролётку возьмут...

– Похлопотать-то можно, да справишься ли? Тут, брат, навык нужен.

– Ай, да что там? Время замедлил – и спасай себе, сколько влезет.

– Не так всё просто. Видишь эту медаль? – спросил Искрюгай, указывая себе на грудь.

Сама медаль, правду сказать, осталась на земле. Служба, о которой юный джинн ото- звался как «сидении в бутылке», на самом деле была намного сложнее и требовала нема- лого расхода сил. Искрюгай часто практиковал, совершенствуя приёмы спасения в воздухе. Во время катастрофы он перенапрягся, и ему пришлось развоплотиться. Медаль на его шее теперь просто не удержалась бы. Зато на груди ясно виднелся её энергетический отпечаток.

–Вижу, – сказал Отжигай. – Красивая.

–На флоте мне за такое спасение выговор бы сделали. Смертных-то я, хвала Созда- телю, на землю живыми спустил, но летательное средство развалилось, багаж пассажира погиб. Позор!

–Почему же на ковролётке дали медаль? – заинтересовался Полыхай.

–Потому что на всё спасение у меня было полторы секунды.

Спутники Искрюгая так и ахнули:

–Полторы секунды?

–Полторы. Дело было так. – Искрюгай прикрыл глаза, дословно вспоминая формули- ровку из отчёта. – Крушение произошло вследствие грубой ошибки второго пилота, по недо- смотру которого сильфозабор одного из ковров-самолётов в составе скрепа остался открыт во всю дурь...

–Как? – удивились его спутники.

–Во всю дурь, – повторил Искрюгай. Этих слов в отчёте, конечно, не было, они принадле- жали первому пилоту потерпевшего крушение скрепа, но очень точно описывали ситуацию. – При усилении встречного ветра это привело к разбалансировке частей скрепа, в результате чего была нарушена циркуляция магической энергии в системе, что повлекло за собой стре- мительное падение летательного средства. Первый пилот успел открыть бутылку со мной бук- вально за секунду до того, как скреп задел верхушку дерева. То есть я начал работать на уже разваливающемся скрепе...

–И всё же управился... – покачал головой Полыхай.

Отжигай в задумчивости почесал затылок.

–Да, это не колёса крутить... Сложно!

–Учиться много надо, – важно кивнул Искрюгай и не замедлил сделать комплимент стар- шему товарищу: – Хотя и не так много, как дипломату.

–Что верно, то верно, – согласился Полыхай. – Трудно у нас. И почёта не дождёшься...

–Ну, не скажи, – возразил Отжигай. – Это мне, рядовому технарю, до вас далеко. А тебя, Полыхай, вот увидишь, ещё в ифриты произведут.

–Не всё так просто, брат, – адресовал Искрюгаю его же собственные слова Полыхай и продолжал с грустной улыбкой: – Служба у нас и важная, и тяжёлая. Вот сейчас мы со смерт- ными стоим на пороге очень важного соглашения. Рассказывать о нём ещё нельзя, засекречен- ная информация. Уработался я – сами видите, на грани развоплощения. Меня господин посол потому и отправил домой, не дожидаясь подписания. Подлечись, говорит, а то ты у меня совсем прозрачный стал, развеешься – как я твоим уважаемым родителям в глаза посмотрю? Честно скажу: на износ работаем. А дома, вы думаете, кто-нибудь оценит? Если даже всё сладится – Хан Ифритов похвалит господина посла, но обычные джинны будут говорить: ха, чернилами пачкался, кровь студил, чтобы бумажки свои не поджечь; перед жалкими смертными ужом вился. То ли наши предки... Каждый встречный будет их славой попрекать. Нет, братья, – вздохнув, сменил он тему, – так я вам скажу: со смертными, конечно, сложно, но где-то и в чём-то – намного проще. И не такие уж они, если подумать, жалкие... Опять же, к джиннам уважение имеют.

–Ну, уважению-то их, сдаётся мне, цена невелика, – поморщился Отжигай. – Боятся вспо- минать, как наши предки их крушили...

–Крушить-то крушили, да не сокрушили, – возразил Полыхай. – А теперь почти половина джинов по всяким хитрым магическим ловушкам сидит...

–Да, они научились с нами бороться, – не сдавался Отжигай. – Но у кого научились? У нас же самих! Какой была бы сейчас вся их магия, если бы не мы?

Искрюгаю такой спор был неинтересен, и он, поднявшись, прошёл по жемчужно-серо-ватой в лунном свете, клубящейся туче до самого края. Далеко внизу проплывали бесконечные пески. Хотя «бесконечные» – это, конечно, из разговоров смертных. Джинн в полной силе эту пустыню за полтора часа пролетает. Но вот остановись посреди барханов, почувствуй покалывание песчинок, прислушайся к сухому дыханию горячего днём и ледящего ночью ветра – сразу поймёшь, что значит слово «бесконечный».

Два джина, оставив спор, подошли к своему спутнику и тоже посмотрели вниз.

–Гляньте – караван ночует, – сказал Отжигай.

Среди песков билась искорка костра. Видны были спящие верблюды, рядом с ними лежали полосатые тюки, вокруг костра были натянута пологи, под которыми спали смертные, вкушая недолгий отдых в середине тяжкого пути.

–Я уважаю смертных, – неожиданно даже для себя сказал Искрюгай. – За то, что их не пугает короткая жизнь. За то, что они учатся – и завтра обязательно сделают то, о чём только мечтали сегодня, и чего никто от них не ждал вчера. За то, что они идут там, где не могут лететь, и ползут там, где не могут идти – но никогда не останавливаются. Мы, могучие и бессмертные, – смогли бы вот так?

Он оглянулся на товарищей.

–Что бы нам ни говорили поклонники старины – я никогда не устыжусь того, что работаю со смертными.

Одиноким костёр уже уплывал за горизонт, когда Отжигай заговорил:

–Было у меня однажды... Я на «Ястребе» колёса крутил. Тогда ещё суда в броню не одевали... Вот, вышли как-то в патруль. И вдруг, откуда ни возьмись, тушканский лёгкий крейсер, с паровой машиной, заморской, новенькой. Капитан наш говорит: «К бою! Просигнальте им, чтоб проваливали, и если через три минуты не повернут – откроем огонь из всех орудий». Только сигнальщик флажками своё отмахал – тушканцы как дали залп... Рубка – в щепки, двух матросов смело, мачту перебило, в полуфуте над ватерлинией – дыра вот такая... Понятно, капитан трёх минут ждать не стал, ответили... Те не унимаются. Ядра так и летят, фрегат как бешеный пляшет, шпангоут трещит, палуба в крови. А капитан спокойно так: «Не угостить ли непрошенных гостей картечью?» Вдарили. Ну, те, не будь дураки, тоже картечью ответили. Тут уж, скажу я вам, братья, такое началось – мне дурно стало. Картечь – она такая, и дерево, и смертного в лохмотья рвёт. Капитана убило, старпома убило, стармага убило... Чувствую – вот-вот до меня заклятия тушканские доберутся. Закуют в какую-нибудь ловушку – и поминай как звали. Что же, думаю, совсем смертные обезумели? Почему разворот не командуют? Тут левое колесо раздробило. Встала машина – сижу я, дурак-дураком, не знаю, что делать...

–Почему ж не повернули-то твои моряки? – спросил вполголоса Искрюгай.

–Потому что сдаться в бою – позор. Особенно – в первом бою, – пояснил вместо Отжигая Полыхай. – Ведь это был бой «Ястреба» и «Комар-бея», верно? С него началась Расейско-тушканская война?

–Да, – кивнул Отжигай. – Они не сдались. Тушканцы отвернули первыми. Мне повезло – видать, картечью у них всех магов повыбило, не смогли они меня зачаровать. И вот потом уже, на берегу, мне за свой страх стыдно стало. Что мне грозило? Плен? Заточение в ловушке? А они – на смерть шли, но не сдавались. Я себя тоже спросил тогда – я бы так смог?

Костёр за время рассказа окончательно скрылся из виду.

Полыхай задумчиво проговорил:

–Если сравнить достижения джиннов и смертных, учитывая соотношение сил, то мы выйдем слабейшими из творений Создателя...

–Ну, ты скажешь! – встрепенулся Отжигай. – Сравнивай не сравнивай – а если бы мы захотели, то стёрли бы их с лица земли в два счёта, вот и весь сказ. Да наши предки в своё время...

Полыхай поморщился, а Искрюгай сказал, прервав товарища:

–Знаете, что, братья? Давайте-ка все вместе у моего дяди отдохнём. Задержитесь на пару дней... У дяди знаете, какие бани? У него сам Хан Ифритов отдыхал и спасибо говорил.

–Нам ли в такое место... – усомнился Отжигай.

–Мне дядя не откажет!

Дядя не отказал. Родная кровь – не водица, как говорят смертные. Но и особого восторга при виде малознатных гостей не выказал.

Впрочем, те другого не ждали, и довольны были тем, что попали в волшебный Магмуни-сарай, который по праву считается одним из красивейших мест на земле.

Ах, какие тут залы! Обсидиановые колонны подпирают покрытые орнаментами потолки. В нишах, украшенных мозаиками из рубина и сапфира, изумруда и родолита, гиалита и оникса, приютились высеченные из кварца оттоманки, на столиках – посуда из хрусталя и яшмы. Вышколенные дэвы прислуживают отдыхающим джиннам, по одному движения брови подносят им напитки и курильницы.

Это – главная терраса, опоясывающая Бугай-гору, на склонах и в недрах которой выстроен Магмуни-сарай.

А выше тянутся по скалам базальтовые сады, смыкаясь кольцом под самым жерлом вечно kloкочущего вулкана. На краю кратера выстроены из простого гранита беседки и портики, там можно любоваться усмирённым извержением, вдыхать вулканические ароматы, принимать дымные ванны или просто любоваться окрестностями.

И, конечно, молиться в отведённые для этого дни, ведь вулкан – это ещё и храм. Точно над жерлом парит прямо в воздухе базальтовая полусфера. Срез её, обращённый к небу, образует площадку, на которой высится прямоугольный алтарь. Возле него камлают шаманы, вознося хвалу Создателю и Его возлюбленному сыну, Хану Ифритов. Здесь они гадают по завиткам дыма либо погружаются мыслью в Неугасимое Пламя Недр, где ждут перерождения джинны, покинувшие реальность.

В горную глубь ведут многочисленные коридоры, там – номера для отдыхающих, роскошные гостиные и трапезные, где для услаждения гостей поют и танцуют причудливые горные духи, а на столах дымится вкуснейший пилав из толчёных сапфиров и дроблёного корунда с подливкой из расплавленного циркона. Это фирменное блюдо дядюшки Магмуна.

На нижнем же ярусе, в самом вулканическом жару, устроены бани. Плещутся в гранитных ложах лавовые ванны. Желаете с кислотами, чтобы косточки распарить? С растворённым золотом, чтобы придать коже гладкость и блеск? Медь, чтобы укрепить печень, или марганец – для обновления крови? Пожалуйста! Умелые саламандры натрут вас каменной солью, пропарят, омоют... А за отдельную плату вы можете получить живительную оливиновую ванну с уникальным составом расплавленных металлов.

Ах, ах!

Сотой доли чудес не видали товарищи Искрюгая, а всё равно будто в раю побывали.

А гости-то! Вот на почётном месте военачальник Гориям ибн Подпалим хай-Пылай, средний ифрит, командир Сводного полка вольнонаёмных джиннов. Заклинанием огненного бича он рассекает надвое дракона. На груди его переливается алмазами орден Ханской Похвалы.

Рядом сидит его друг и соратник Искробай, джинн рода незнатного, но многого добившийся в жизни. Все его знают: он ведаёт военной подготовкой молодёжи, без его одобрения

ни один джинн не может рассчитывать попасть в Сводный полк. Он отмечен боевым орденом Ханского Внимания за победу над морским драконом, а ещё он носит медаль Ханского Одобрения за победу над ракшасами.

А вон, чуть в стороне, сверкает доспехами великий герой Сожги-Башка. Мало было войн, в которых он не участвовал, и не было боёв, в которых он не отличился. На заре времён он сражался с маридами и титанами. Его имени трепещут ракшасы, оно служит проклятием у северных огров и грубой бранью у горных великанов. При нём его великий меч, которым он изрубил отряд големов, когда в войне смертных магов выступил на стороне царя Ломоноса. Наград у него не счесть, только в Магмуни-сараях он их не носит, а впрочем, он из нигде не носит, пока того не требует этикет. Несметные богатства ждут его во дворце далеко на юге, а он с удовольствием проводит время в Магмуни-сараях.

Его собеседник – давно уже не боец, но тоже знаменитый джинн, хай Пепелим. Во время войны с маридами он дослужился до младшего ифрита, но из-за ранения не смог продолжить военную службу. Хан взял его во дворец, и Пепелим стал Драконариусом – смотрителем Ханских драконов, сменив на этом посту древнейшего Драконариуса Горыяна, который так и не оправился от потрясения, когда на земле вымерли его любимые динозавры, и с тех пор пребывает в неизбывной тоске.

Хай Пепелим – родоначальник славной династии джиннов и с гордостью носит он медаль Ханского Одобрения.

А вон сидит командир Первого регулярного полка младших ифритов, а вон Ханский звездочёт, а вон Смотритель Ханского вулкана, а вон Старший Ханский шаман... Глаза разбегаются и слепнут от обилия чинов и знаменитостей! Нет, господа, тут уж и слова кончаются, вы только вообразите себе самое великолепное общество, какое под силу вашей фантазии, и знайте – джинны, собравшиеся в Магмуни-сараях, были стократ великолепнее...

Нынешний сезон обещал стать самым блестящим. Великая честь выпала почтенному Магмуну хай Горюну – принять на Бугай-горе извержение, во время которого, как обещали Ханские шаманы, из Вечного Пламени Недр вернутся в мир великих воинов, из коих величайший – Пылай-Башка, любезный брат Сожги-Башки, с которым они расстались шестьдесят пять миллионов лет назад.

Где-то там, в Неугасимом, пребывали и дед, и прадед и прапрадед Искрюгая, но от них пока что ни один шаман не получил весточки. То ли ещё не сконцентрировались они, растворённые в Пламени, то ли не успели соскучиться по земле.

То ли, как говаривал Магмун-ага, стыдились недостойных потомков...

После извержения, конечно, Бугай-гору придётся закрыть на ремонт, вот и спешило высшее джиннское общество насладиться гением Магмуна хай Горюна, сделавшего свои бани настоящим чудом света.

...Нынче вечером в трапезной снова были танцы, и ручной дракон извергал на потеху благородной публики разноцветное пламя. За главным столом, потчuya самого господина визиря, сидел дядюшка Магмун, а рядом с ним его очаровательная жена Кюхерым и три дочери, прекраснейшие под солнцем и луной Жарым, Варым и Парым.

– Ты в которую влюблён? – спросил Искрюгая Полыхай.

Трое приятелей сидели в дальнем углу, но это отнюдь не мешало им любоваться девушками.

– Да ты что, да что ты... – засмушался Искрюгай.

– Брось. Ты же рос вместе со своими прекрасными кузинами, это не могло не разжечь в твоём сердце нежных чувств.

– Колись, брат, в какую втюрился! – подхватил Отжигай.

– Ну... в Жарым, конечно, – глядя в стол, сознался Искрюгай.

– Это которая из них? – уточнил Полыхай.

–Та, что справа...

–Отлично. Значит, мы будем воздыхать по двум другим. Отжигай, тебе какая больше нравится?

–Та, что поближе к отцу сидит.

Полыхай подумал и сказал:

–Неправильный ответ. Ближе к отцу, вероятнее всего, сидит любимая дочь, через неё проще договориться с самим Магмун-агой. Тебе разве есть о чём договариваться с Магмун-агой?

–Да уж найдётся, – выпятил грудь Отжигй.

–Не вредничай, брат, и не спорь с дипломатом. Уступи мне эту красавицу. Ты у почтенного Магмун-аги какую-нибудь глупость выпросишь, а я всем нам блестящую карьеру сделаю.

–Ну и льда тебе за шиворот, – махнул рукой Отжигай. – Третья тоже красивая. А поскольку нам всё равно ничего не светит, буду в открытую любоваться ей, а втихаря – твоей зазновой.

–Не светит, говоришь? – улыбнулся Полыхай. – Спору нет, именитостью мы тут уступим даже блохе, если она завелась на шкуре домашнего дракона Магмун-аги. Зато мы молоды и хороши собой! Мы видели мир, и для юных девушек должны быть интересней всего этого славного старичья. Давайте обжигать красавиц взглядами, полными страсти – вот увидите, их сердца забьются сильнее! Только помните: при молодом возрасте мы должны казаться умудрёнными и искушёнными. Внимание красавиц нельзя принимать как дар Создателя, от этого девушки становятся заносчивыми, нет, на них нужно смотреть свысока... Эй, видели? Она на меня посмотрела! Звезда моя, свет очей моих, ненаглядная... кстати, Искрюгай, как её зовут?

–Парым.

–Ненаглядная Парым! Услышь за шумом застолья стук моего сердца, осчастливь меня ещё одним взглядом...

Отжигай толкнул его локтём:

–Погоди, ты что-то такое интересное говорил про то, как надо принимать их внимание.

–Мнэ... Видишь ли, красивые девушки считают обожание поклонников чем-то естественным. Они легко соглашаются с тем, что ты их не достоин. Если ты бросишься им в ноги – они уже никогда не позволят тебе подняться. Поэтому в отношениях с красивыми девушками очень важно сразу поставить себя выше их... Эй, она опять на меня посмотрела!

–Не отвлекайся, продолжай!

–Да что тут продолжать? Сам сообразишь. Надо казаться загадочным и неприступным, причём непременно дай понять – этак ненароком, – что у тебя разбито сердце... Смотрит клянусь Создателем, смотрит...

–Это ещё зачем? – не унимался Отжигай. – Говори уже, раз начал, а то наплёл невесть чего. Зачем это у меня должно быть разбитое сердце?

Полыхай, однако, не слышал друга – он буквально утонул в глазах Парым. Искрюгай ответил за него:

–Считается, что женщины влюбляются в тех, кого жалеют.

–Да ну? – поразился Отжигай. – Ерунда какая-то. По-моему, они должны влюбляться в героев.

–Ну да, вроде как... – осторожно согласился Искрюгай. Сам он был не очень силен в подобных вопросах, да и слишком деликатными их почитал для досужей болтовни.

Однако Отжигай уже не собирался останавливаться на полдороге – ему нужно было разобраться до конца.

–Так кем казаться-то – героем, которому море по колено, или слабаком, которого только пожалеть остаётся?

–Наверное, лучше казаться самим собой, – вздохнул Искрюгай.

–Ерунда! – вклинился Полыхай, потерявший взор несравненной своей Парым и очень от этого разнервничавшийся. – Надо казаться и тем, и другим – то есть героем с раненой душой. Но главное, конечно, героем – таким, какого ни одна женщина не достойна. Вот в чём соль: вместо того, чтобы стремиться к ним самому, заставь их стремиться к тебе. Наблюдай свысока за их попытками заслужить твоё внимание, не забывая время от времени подбадривать улыбкой, но не позволяй им чувствовать себя победительницами, потому что... Смотрит! Братья, снова смотрит!

–Правда, Искрюгай, гляди, как везёт нашему дипломату. Моя на меня так и не глянула... А ты чего на свою Жарым не смотришь?

–Я смотрю. Всё время. Только тайком.

–А чего так? Вон, Полыхай расписал, как надо в гляделки играть. И, знаешь, пожалуй, в этом что-то есть...

–Да я уже так привык... наверное, поздно переучиваться, – смутился Искрюгай. – А ты попробуй, если хочешь. Между прочим, пока мы беседуем, Варым на тебя два раза посмотрела. И, кажется, очень удивилась, что ты её не замечаешь.

–Да ну?!

Отжигай немедленно устался на смешливую Варым. И было по нему видно, как он поэтапно восстанавливает в памяти инструкцию Полыхая. Вот плечи расправил, вот подбородок выпятил и брови нахмурил, но тут же приподнял их в страдальческом выражении; попытался поглядеть свысока, но не успел изгнать из глаз старательно нагнетённое выражение вселенской скорби, из-за чего в итоге вызвал весёлый смех юной красавицы – и так ему обрадовался, что сам расплылся в довольной улыбке.

Так и сидели. Полыхай растекался жидкой лавой под знойным взором Парым, Отжигай перемигивался с Варым и смешил её, корча забавные рожи. А Искрюгай с грустью глядел на Жарым и как будто слышал в сердце её голос: «Да, я не для тебя, но ты смотри, смотри, мне это нравится, и разве так уж плохо видеть меня, разве моё лицо, прекрасное как луна, и стройный мой стан не радуют твой взор? Ну так гляди – и радуйся моей щедрости...»

И он глядел...

Узнав, что дочери Магмун-аги любят гулять перед рассветом в Хризоберилловом саду, Полыхай и Отжигай устремились туда – а Искрюгай позвал к себе дядя.

–Сядь и слушай, сын моего брата, – сказал он голосом строгим и как бы усталым. – Видит Создатель, я рад твоему возвращению, потому что люблю тебя, как родного сына. С тех пор, как твой славный отец угодил в магическую ловушку, расставленную подлыми смертными, я честно отдавал все силы твоему воспитанию. И я не могу тебя упрекнуть в непочтительности, но, увы, не могу также и похвалить. Скажи, для чего ты привёл сюда своих друзей? Неужели решил, что благородному обществу, собирающемуся под сводами Бугай-горы, будет приятно соседство двух гражданских штафиров, ещё не отмывших от запаха смертных?

Искрюгай потупил взор.

–Прости, дядя, но разве мы кому-нибудь помешали?

–Нет, твоим друзьям хватает тактичности не слишком лезть на глаза. И всё же очень нехорошо для них, в столь юном возрасте и при столь низком положении, вкушать удовольствия наравне с самыми почтенными джиннами и ифритами. Твой безрассудный поступок может навсегда испортить их, лишив благонравия и уважения к старшим.

Искрюгай вздохнул.

–Прости, дядя, но мы все возвращались со службы такими усталыми... Ребята были уже на грани развоплощения, как я мог им не помочь?

–А как ты думаешь, почему я вообще пустил их на порог? – сверкнул глазами Магмун-ага и, растянувшись на кушетке, затаился кальяном. – Пусть набираются сил, но я ожидаю от них исключительно приличного поведения.

Искрюгай вздохнул.

–Конечно, дядя...

–Хотя, должно быть, я стараюсь напрасно, – сокрушённо покачал головой дядюшка Магмун. – Совсем не умею я воспитывать молодёжь. Если бы умел, ты бы давно уже учился у почтенного Искробая, а может, уже сдавал бы экзамены на вступление в регулярный полк. Увы, боюсь, я не сумел воспитать в тебе воинский дух предков. Никогда ты, отпрыск славного рода Горюнов, не получишь к своему имени славное прибавление «хай», никогда ты своими деяниями не пробудишь от сна в Неугасимом Пламени Недр своих славных предков и не воскресишь в памяти джиннов подвиги своего отца, славного Пали хай Горюна, да раскроются по милости Создателя стены удерживающей его ловушки! О брат мой! Прости, я не справился с воспитанием твоего сына...

Искрюгай вздохнул – на сей раз молча.

–Я тоже был воином, и, видит Создатель, не худшим! Я сражался тридцать тысяч лет. Увы, коварный удар ракшаса искалечил мою ногу, и я был вынужден уйти в отставку. За верную службу подарил мне Хан Ифритов Бугай-гору, и, видит Создатель, я счастлив, что могу порадовать Его Величество, неустанно повышая уровень услуг и качество обслуживания моих уважаемых клиентов. Но до сих пор не хватает мне упоения битвы, кровь славных предков бурлит во мне и просит боя, высокий дух древних героев зовёт меня вновь испытать свою силу и храбрость...

Искрюгай вздохнул – как можно тише.

–Сразиться с врагом во славу Хана Ифритов, во имя нашего народа, во имя Божественного Пламени Недр – есть ли на свете высшее счастье? Увы мне, увы... Не для меня теперь звон оружия, не для меня зов командиров, не для меня жалобный стон врага и сладость победы... Я даже не могу передать свои чувства тебе, сыну возлюбленного брата моего, славного Пали хай Горюна, героя из героев, пленённого жалкими смертными, которым ты теперь прислуживаешь...

Искрюгай сдержал вздох.

Долго ещё слушал он о тридцати тысячах лет беспрестанных сражений, а когда дослушал, солнце давно уж взошло, облило белым светом склоны Бугай-горы, и Жарым вместе с сёстрами удалилась в свои покои. Остались под каменными ветвями Хризобериллового сада только Полыхай с Отжигаем, слегка осоловевшие от близкого созерцания красоты. Там и нашёл их смурной племянник доблестного Магмун-аги.

Полыхай, придя в себя, вернулся к излюбленной теме: пустился растолковывать, как надо покорять женщин. Но друзья его почти не слушали.

–Э, бери свою Парым со всем её папёной вместе, по всей этой мудрёной науке, – сказал Отжигай, закидывая руки за голову и щурясь на солнце. – Не нужна она мне совсем, не буду на неё тайком глядеть. Мне нужна только Варым. Вот девчонка что надо: весёлая, не спесивая, только увидит меня – уже улыбается...

–Вот и хорошо, – кивнул Полыхай. – Однако тебе следует понять, что ты ведёшь себя с ней неправильно. Вы оба ничего не понимаете в искусстве ухаживания за барышнями. Вот ты, Искрюгай, вечно сидишь бука-букой... Эй, послушай, а что это на тебе лица нет?

–Я с дядей разговаривал... Друзья, вы только не обижайтесь, пожалуйста, но я должен кое-что вам сказать.

И Искрюгай передал приятелям основное содержание нравоучительной беседы, опуская все детали, которые требовали употребления эпитета «славный».

Отжигай сразу понурился:

–Эх, глупо было на что-то надеяться...

–Глупо поворачивать назад, пройдя половину дороги! – заявил неутомимый Полыхай. – Мы уже добились внимания наших красавиц, остаётся только влюбить их в себя до беспамятства, и тогда посмотрим, сможет ли старый хрыч помешать нашему счастью. Извини, Искрюгай, с языка сорвалось. Ты правильно сделал, что предупредил нас. Магмун-агу всё же надо уважить. Итак, братья, мы должны продумать тактику оболыщения до мельчайших подробностей. Действовать следует так, чтобы не попадаться на глаза никому... кроме наших красавиц!

Не сходя с места, он нагородил кучу советов, в которых Отжигай разобраться не смог, а Искрюгай – не захотел.

Совсем незаметно промелькнули несколько блаженных дней. Обильная еда и лечебные процедуры быстро вернули трём юным джиннам цветущий вид, и красавицы бросали на них всё более заинтересованные взгляды. Полыхай и Отжигай увлечённо играли с оболыщением, а Искрюгай просто наслаждался жизнью. Ему и того было довольно, что однажды Жарым заговорила с ним, спросила, хорошо ли он себя чувствует и достаточно ли отдохнул от общения со смертными.

–Смертные вовсе не так ужасны, как принято думать, – сказал ей Искрюгай.

–Да, я слышала, они ещё ужаснее, – надула Жарым свои чёрные губки.

–Вовсе нет. Ты же и сама хорошо это знаешь. Помнишь, как мы учили историю и всё удивлялись: почему могущественные джинны, никогда ничего не делали первыми, а только перенимали что-то у смертных народов?

–Перенимали – и улучшали! – горячо, почти как в детстве, возразила Жарым. – Мы всё делаем лучше других. А первыми мы сделали самое главное: дали возможность смертным существовать на свете. Кабы не мы – что было бы сейчас с миром? Его покрывали бы маридские льды.

–Но, Жарым, разве ты не понимаешь, что мы просто не могли не воевать с маридами? Сражаясь с ними, джинны не думали о других народах.

–Было бы о чём думать... Мы думали обо всей планете – а другие народы пусть думают о себе сами.

–Они и думают, Жарым, и очень даже неплохо думают! Не только о себе – но обо всех, и о нас в том числе... Они придумали, как можно мирно сосуществовать всем со всеми – а это намного сложнее, чем непрестанно сражаться...

Вздыхнула нежная красавица Жарым и поглядела на Искрюгаю с печалью.

–Неужели правду говорят, будто тебе нравится возиться с жалкими смертными?

Искрюгай пожал плечами.

–Ну... да. Нравится. Я люблю их.

–За что их можно любить? – поморщилась Жарым.

Однако Искрюгай видел, что морщится она скорее по усвоенной привычке, а не потому, что сама испытывает отвращение к смертным (которых, кстати, никогда не видела – разве только однажды, мельком, когда Магмуни-сарай посещала делегация людей, но люди были далеко и сплошь в асбестовых костюмах). Он видел, что ей хотелось услышать ответ. Она всегда любила поспорить.

–За умение не страшиться смерти, – сказал Искрюгай. – За бодрость, с которой они идут по краю пропасти. За отвагу и упорство. А ещё за дружелюбие. Они всегда готовы пойти навстречу. Вспомни, опять же, историю: сколько зла мы причинили смертным народам, которые были бессильны противостоять нашей мощи. Однако они не обозлились. И даже ведут сейчас переговоры об освобождении джиннов, пленённых в ходе боевых действий...

–Просто у них короткая память, – возразила Жарым. – А ты стал слишком мягким на гражданской службе.

–Это плохо? – спросил Искрюгай.

–Это плохо для того джинна, который влюбится в знатную девушку, – невольно понизив голос, сказала она.

И вот скажите: после такого разговора – есть ли нужда в пошлом искусстве обольщения?

Но, увы, была печальная правда в словах Жарым. Для влюблённого в высокородную девушку нужна карьера военная, и непременно успешная. Иначе – люби не люби, счастья не видать. Так может, вернее покорить девичье сердце, иссушить по всем правилам коварной науки – а там пускай Магмун-ага крутится как хочет? Сам выхлопочет и место, и чин...

ТЬФУ!

Плевок Искрюгая зашипел на камнях, истаивая струйкой едкого дыма.

Экая, право, дрянь может в голову прийти... Впрочем, пустое: даже если Магмун-ага и восплает желанием обеспечить племянника славной карьерой, Искрюгая он этим совсем не порадует. Потому что не хочет Искрюгай военным быть. Не влечёт его слава предков. А вот спасательная служба или, скажем, воздухоплавание – влечёт. Влечёт возможность изучить новое дело и передать опыт новому поколению спасателей – молодым, энергичным джиннам, не отягощённым славной родословной и не одурманенным славными бреднями...

Или это всё-таки плохо? «Может быть, не так что-то со мной? Может, я какой-то неправильный джинн? Урод? Ведь не могут же ошибаться все, кроме меня... Может, счастье и правда в воинской судьбе, а я – дурак и трус, жалкий трус, который прячет свой страх за презрением ко всему, что уважаемо и почитаемо?»

Трудно было Искрюгаю, но он не первый раз уже мучился такими вопросами, и потому знал, как бороться с трудностями: молча, про себя, ни с кем не споря... и не забывая, что планета продолжает крутиться независимо от того, что ты думаешь.

Потому и взгляды Жарым, и лавовые ванны, и общество друзей продолжали его радовать, а вся борьба происходила глубоко в его сердце, и никто не мог догадаться о ней.

Так летели блаженные дни...

Меж тем наука Полыхая, кажется, начинала приносить какие-то плоды. Во всяком случае, сам он уверял, что всё идёт хорошо. Отжигай радовался, как ребёнок, короткой беседе с хохотушкой Варым.

–Ах, какой у неё смех! Она меня спросила, на что похож пароход. А я взял да и показал... – Тут Отжигай надул щёки, ссутулился и, разведя руки, принялся изображать ими вращение колёс, да ещё очень похоже погудел губами. – А потом говорю: только сейчас больше винтовые в ходу... – И он прошёлся по комнате кокетливой походкой, заложив руку за спину и крутя ладонью, как коротким хвостом.

У Полыхая в тот день тоже нашёлся повод гордиться успехами. Дело было так: друзья, стараясь быть как можно менее заметными, присутствовали на террасе, где дочери Маумун-аги развлекали высокородных гостей светской беседой. Разговор зашёл сперва о статуях, которыми была украшена терраса, а потом и об искусстве вообще. Надо заметить, что при всей неприязни джиннов к смертным народам и мирным занятиям, скульптура, живопись и поэзия относятся к тому немногому, на что они согласны обращать внимание. Хотя, конечно, предпочтительно, чтобы на картинах изображались баталии, а в стихах говорилось о кровопролитии...

–Искусство смертных, – говорила Парым, и голос её чаровал и обволакивал, – шагнуло далеко вперёд за последние столетия. Не хочу показаться невежливой, но ваши сведения, господа, несколько устарели. А между прочим, среди нас есть джинн, который служит помощником посла, и по долгу службы тесно общался со смертными. Быть может, он расскажет нам о том, какие тенденции нынче наиболее сильны в искусстве несовершенных народов?

Парым была старшей дочерью Магмуна и самой образованной. Речь её ласкала слух, и такие слова, как «тенденции», в её устах звучали сущей музыкой.

Полыхай счастливого случая не упустил, прочёл целую лекцию о реализме – да так мастерски, что его заслушались, и даже могучий Сожги-Башка похвалил его:

– Не встречал ещё юнца, который умел бы так складно говорить!

Отжигай под шумок успел соорудить для Варым несколько смешных физиономий...

А вечером счастье неожиданно улыбнулось Искрюгаю. Саламандра из прислуги передала ему свёрнутый в трубочку медный листок, на котором оказались написаны такие слова:

«Мой Искрюгай! Нам редко удаётся побеседовать, и всякий раз я начинаю говорить что-то не то. Приходи сегодня в полночь в Топазовый сад. Мне хочется сказать тебе кое-что очень важное. Приходи обязательно! Я наброшу на сад Покров Незаметности, и нам никто не помешает. Приходи, жду. Твоя сестричка Жарым».

Он прочитал письмо ещё раз, ещё, и снова... Сердце забилося часто-часто. Что она хочет сказать?

Никогда ещё часы не тянулись для него так долго. Даже когда он сидел в бутылке, ожидая, когда нужно будет кого-нибудь спасти, он не скучал. В бутылке, вообще, глупо скучать. Взял с собой книг побольше – и читай в своё удовольствие.

А сейчас... Попробовал Искрюгай почитать «Маготехническое пособие по коврам-самолётам» – буквы перед глазами разбегаются и складываются в строчки, написанные нежной ручкой Жарым. Попробовал стихи почитать – ни в одну строфу так и не вник. Правда, сам стихотворение написал. Даже на медном листке его выдавил корундовым калямом, но тут же расплавил – как-то стыдно стало.

Друзья куда-то подевались (Магмун-ага, конечно, поселил их всех в комнате Искрюгая), но это и к лучшему: разговоров сейчас не хотелось. Правда, и тишины напряжённого ожидания тоже не хотелось... В общем, Искрюгай сам не знал, чего ему хотелось, но вот в настенных часах зазвенели хрустальные колокольчики, отмечая наступление двенадцатого часа, и больше Искрюгай ждать не смог.

Он покинул комнату, тихо-тихо прошёл по коридору, подавляя желание спрятаться в тень всякий раз, когда вдали мелькал силуэт саламандры. Из трапезной доносился шум застолья, и всё равно Искрюгай опасался, как бы там не услышали грохот, с которым билось в рёбра его измученное сердце.

По длинным лестницам поднимался, оступаясь и качаясь, как пьяный...

Конечно, он пришёл слишком рано. У главного входа в Топазовый сад прогуливались два не очень знатных сановника – кажется, писари военного приказа. Искрюгай затаился под скалой. Звёздные сферы над головой вращались так медленно – но вот настал и долгожданный час полуночи, о чём известил бой колокола на Часовой башне. Сановники так и не ушли, и Искрюгай не стал тратить время на то, чтобы добраться до бокового входа. Обойдя скалу, он просто перемахнул через ограду и углубился в недра сада.

Сделавши не более двадцати шагов, он угодил под Покров Незаметности. Жарым, должно быть, от волнения, слегка перестаралась – Покров получился слишком густым. Искрюгай ничего не видел уже на расстоянии вытянутой руки.

Он тихонько позвал Жарым – и, кажется, услышал ответ, сильно приглушённый мощью Покрова. Сделал несколько шагов, налетел лбом на ствол литого дерева, украшенного, как плодами, гроздьями топазов, споткнулся, зацепился за что-то поясом...

И вдруг оказался на свету.

Сажень в трёх от него замер в нелепой позе Полыхай – чуть пригнувшись и разведя руки, он словно собрался поймать Искрюгая, как курицу. Чуть дальше застыл, так и не выпутавшись из стальных ветвей, Отжигай. А вокруг стояли джины и ифриты, и лился отовсюду смех, и над смехом плыл чарующий голос Парым:

– Итак, господа, как видите, мы, джины, тоже умеем создавать картины, ничуть не хуже смертных. Наша картина, правда, написана не маслом и не акварелью, она – живая, но это

придаёт ей особую прелесть. Как же мы её назовём? Кто предложит самое удачное название – тому поцелуй!

– «Не ждали»! – посыпалось отовсюду. – «Охотники в лесу»! «Завтрак в траве»!

– Три глупых молодых джинна! – прогремел мощный бас Сожги-Башки.

Его вариант был тотчас признан лучшим, хотя он, кажется, и не думал участвовать в «конкурсе», и призовой поцелуй принял достаточно равнодушно. Но общество этого не заметило, общество хохотало. Смеялись высокородные джинны и заслуженные ифриты, смеялись нежная Жарым, весёлая Варым и уточнённая Парым, и матушка их, Кюхерим, а у дядюшки Магмуна даже дымные слёзы покатались по щекам.

И не было на свете звуков горше.

Отжигай ушёл первым, махнув рукой. Полыхай попытался влиться во всеобщее веселье, но быстро понял, что это не выход, и тоже побрёл к воротам. Искрюгай же сначала дождался, когда смех Жарым немного утихнет, и поклонился ей, а уж потом зашагал прочь.

Когда Искрюгай добрёл до своих покоев, куда подселили и его товарищей, Полыхай с Отжигаем уже сидели за столом и пили серную не разбавляя. Спрашивать, будет ли Искрюгай третьим, было глупо.

Налили, выпили...

– Да, братья, макнули нас в холодную водицу... – вздохнул Отжигай.

– Всё, ну их всех к маридам! – выругался Полыхай. – Сейчас допью – и лечу отсюда.

– Туча на город уходит утром, – заметил Отжигай.

– Ну её к маридам! Своим ходом доберусь. Как ни крути, а отдохнули мы знатно, силушка играет. Искрюгай, откуда тут взлетать принято?

– Между главной террасой и садами есть площадки. Я покажу.

– А ты-то теперь как?

Искрюгай равнодушно пожал плечами, но ответить не успел: в комнату просочилась саламандра и с милейшей улыбкой сообщила:

– Достопочтимый Магмун ибн Пылай хай Горюн благодарит юношей за то, что помогли развеселить его благородных гостей, и выражает надежду, что силы указанных юношей восстановились уже достаточно, и они могут продолжить свою службу во славу Хана Ифритов...

– Ещё как можем, – сердито отозвался Отжигай. – Передай достопочтенному Магмуну: он может считать, что нас тут уже нет.

– Передам с глубоким почтением...

– Ну, а раз нас уже нет, так и спешить некуда, – объявил вдруг Полыхай и снова наполнил кубки.

– Напьюсь, – заметил Отжигай. – А ещё лететь собрался.

– Да к маридам! Давайте, братья, за нас...

Опрокинули, выдохнули, в комнате аж дым повис коромыслом.

– Так что, Искрюгай, ты-то теперь как? – повторил Полыхай свой вопрос.

– Да как обычно. Мне улетать смысла нет, я всё-таки живу здесь, и библиотека тут, а мне сейчас над артикулами работать нужно...

– Как же ты джиннам в глаза смотреть будешь?

– Как всегда... Неужели ты думаешь, Полыхай, что наш позор будут помнить? Ничего подобного. Вот мы тут сидим, страдаем, а они давно уже в фанты играют и думать про нас забыли.

– Ах вот как... – потемнел молодой дипломат. – Ну, знаете ли, это как-то даже...

– А что, – усмехнулся вдруг Отжигай. – Всё правильно...

– Ничего не правильно! Они что тут думают – я им кто? Я, между прочим, не кто-нибудь, я – помощник господина посла!

–Штафирка ты гражданская, и сопляк до кучи, – припечатал корабельный джинн. – Не в свою гавань заплыли – за то и получили. Обидно, досадно, да ладно, утрись и отвернись, а себе на ус намотай – урок будет: неча в кирзачах по паркету... В общем, забей. Оно и к лучшему: мы – джины простые, нам своих забот на год вперед...

–Эка ты разошёлся, – проворчал Полыхай, но гнев его уже угас. – Да и про другое я... Как ты теперь, Искрюгай, на свою Жарым посмотришь?

–Обыкновенно. Я, в общем, всегда знал, что не судьба...

Полыхай налил ещё серной.

–Экий ты, брат... спокойный, даже слишком!

–А что, правильно! – хрюкнул в кубок Отжигай. – Так оно легче...

–Ничего не правильно! – чуть было не взвился Полыхай по новой, но серная уже вязала язык, и поучать было лень. – Хотя, конечно, что уж тут поделывать...

–А ничего и не надо «поделывать», – заявил отходчивый Отжигай. – Жить надо, как жили, не в свои дела не соваться. Я теперь, конечно, тоже до дому полечу... Нам как будто в одну сторону – двинем вместе? Повидаю своих, а потом опять на флот попрошусь. Прикипел я к кораблям! Знаете, братья, вроде бы вода – вражья стихия, а на море чудо как хорошо! Люблю я море... Давайте споём?

...На взлётную площадку потянулись только под утро, и почему-то все трое, хотя с Искрюгаем уже раза два распрощались и даже, казалось, спать уложили, потому что у него важная работа – артикулы переписывать, и за неё надо браться только со свежей головой. Однако добраться до цели оказалось неожиданно трудно – и вовсе не причине излишка серной, а просто всё время по дороге кто-нибудь попадался и непременно шпынял:

–Куда, куда! А ну, назад! Не приведи Создатель, попадётся на глаза...

–Каким ещё таким маридам на глаза? – вяло пытался грубить Полыхай, но к нему не снисходили даже для того, чтобы заставить прикусить язык и не оглашать чертоги славного Магмуни-сарая именем стократно проклятых врагов.

Даже саламандры и дэвы, которым вдруг именно теперь приспичило срочно поменять ковры в коридорах, норовили затолкать троих друзей в какие-то глухие уголки, откуда трудно было находить дорогу даже Искрюгаю, выросшему в недрах Бугай-горы. Но приятели не сдавались. Уже и недурно было бы в любом из этих уголков свернуться калачиком и поспать, да ведь всякая встреча, всякое оскорбление будили желание как можно скорее оказаться подальше от этих маридовых бань...

В конце концов Искрюгай вспомнил старую лестницу для техперсонала, и по ней таки вывел товарищей к служебному выходу на взлётно-посадочную площадку. Однако оказалось, что все труды были напрасны: благородное общество, к немалому удивлению молодых джиннов, оставило фанты и роскошные блюда и собралось именно здесь.

–Ну что за неvezуха, – пробормотал Полыхай. – Слушайте, давайте хоть через окно вылетим, что ли?

–Я вам вылечу! – рявкнул невесть откуда взявшийся рядом Магмун-ага. – А ну-ка, быстро в свои комнаты, и чтобы носа не высывали!

–Что-то случилось, дядюшка? – спросил Искрюгай.

Но дядюшке было не до разговоров. Нахмурился он и прорычал:

–Я сказал: быстро!

Да так как-то страшно прорычал, что ноги сами собой понесли друзей обратно. Что же случилось?

–И часто он у тебя такой? – спросил посеревший Отжигай.

–Вообще-то, нет... Слушайте, а ведь и правда, наверное, что-то стряслось... Вы заметили, что дядюшка был в парадном мундире?

– Да вроде они все там принарядились, – добавил потихоньку трезвеющий после долгой прогулки Польшай. – И ещё ковры эти повсюду... Встречают, что ли, кого?

Все трое переглянулись и, кажется, одновременно сообразили, ради кого могло переполошиться столь высокопоставленное общество.

– Неужто... Сам?

Ринулись к окнам – и точно, увидели в небе роскошный кортеж. Дюжина гвардейских ифритов летела впереди, ещё две дюжины – по бокам, и у всех наготове пламенные копья с сыплющими искры бунчуками, щиты сверкающие и грозные ятаганы в ножнах. За передовой дюжиной и чуть пониже – сотня сильфов, а над их головами – запряжённая двумя драконами колесница, сияющая и переливающаяся в лучах рассвета, как чистой воды алмаз. За ней растянулась цепочка ковров-самолётов под охраной горных гномов, летящих верхом на грифонах и вывернах, у каждого наготове ручная мортира. А позади и чуть выше мрачными тенями скользили два тяжёлых броненосных дракона древнейшей пангейской породы.

– Сам... – выдохнули молодые джинны.

Торжественный кортеж снизился, завертелся кругом, готовясь к слаженной посадке. Любо-дорого посмотреть на их до миллиметра, до доли секунды отработанные перемещения, но из окна уже почти ничего не было видно.

– Вот бы мы взлетели, – нервно рассмеялся Отжигай. – Три пьяных дурака – под стволы гвардии... Говорят, у них такое оружие, что и нашего брата могут прибить. Навсегда. В смысле – по-настоящему, насмерть.

– Да нет, ерунда, – всё ещё поглядывая на небо, проговорил Польшай. – Мы же бессмертные. Хотя, спору нет, у гвардии такие чары, что мало не покажется...

– То-то, – кивнул Отжигай. – Марида, вон, тоже бессмертные, а сколько мы их сгубили за все войны? Да и они наше племя иной раз так прореживали, что страшно сказать. Не все же из Пламени возвращаются...

– Ладно, хватит нагнетать, – встрепнулся Польшай. – Мы – бессмертные, и точка. Вопрос в другом: что же нам теперь делать? Подождать, пока они все сядут?

– Лучше подождать, пока они все опять улетят, – заметил Отжигай. – А потом ещё часок подождать для верности. Нет, ты как хочешь, а я рисковать не собираюсь. С гвардией шутки плохи.

– Это значит до самого извержения ждать, – сказал Искрюгай. – Уж лучше с рейсовой тучей. Правда, утреннюю вы уже прозевали, придётся вечерней ждать.

– Ну, а коли ждать – давайте хоть выспимся! – предложил Отжигай.

Возражений не последовало.

Однако выспаться как следует друзьям не удалось. Незадолго до полудня их разбудила прислуга – причём старшая: не саламандры, а джинны во главе с самим мажордомом Прогораем, ещё одним ветераном былых кампаний, в силу ранения оставившим военную карьеру и поставленным служить в Магмуни-сарай.

Они бесцеремонно ворвались в комнату, подняли молодых джиннов, влили в каждого по рюмке царской водки для поправки здоровья и, не дожидаясь, пока отдышатся, принялись их причёсывать и умащивать, а потом и одевать.

– Братя, вы, часом, покои не перепутали? – спросил у них Отжигай. – Его Величество, поди, этажом-другим выше остановился...

Шутка была встречена гробовым молчанием, только Прогорай брови нахмурил и бросил:

– Собирайтесь, несчастные. Его Величество Хан Ифритов желает вас видеть.

Молодые джинны недоумённо переглянулись. Что за притча? Однако думать было некогда: их чуть не волоком потащили в трапезную. Даже испугаться толком не дали...

Глава 2 Искрюгай идёт на войну

Великолепное общество, при всех своих мундирах и регалиях, слегка поблекло в присутствии монаршей особы. Разве только Сожги-Башка каким был, таким и остался, хотя и вёл себя, с виду, как прочие: и очи долу держал, и в поклоне сгибался, когда пробегал по нему огненный взор Хана. И ещё Магмун-ага – он вообще словно расцвёл. Не было для него высшего счастья, чем угодить Хану Ифритов.

Монарх восседал на привезённом с поклажей походном троне с хоругвью, на которой пламенел алхимический знак солнца, а на голой багровой груди его висела тяжёлая титановая цепь с четырьмя бляхами, где светились колдовским светом символы четырёх ветров. Такие же символы были нашиты на длиннополом одеянии визиря, стоявшего рядом с троном.

– Вот и они, мой повелитель, наши юные герои, – шепнул он Хану, и тот обратил взор на вошедших.

«Юные герои» пали ниц. Искрюгай, по совести сказать, чувствовал себя так, словно ему в нутро засыпали колотого льда. О высокой чести лицезреть повелителя он не думал – не до того было, чтобы думать, да и сама честь представлялась такой невозможной и немыслимой, что решительно не помещалась в голове...

– Встаньте, – пророкотал царственный голос. – Встаньте и поднимите глаза – я хочу их увидеть.

Ослушаться было нельзя, но и посмотреть в лицо Хану Ифритов казалось кощунством. Однако Искрюгай поборол себя... и обомлел: повелитель улыбался! Улыбка его была тёплой и ободряющей, и теперь уж нельзя было вообразить себе, как можно когда-нибудь отвести от неё взгляд...

Мало кто видел Хана Ифритов, а те, кто видели, часто не в силах описать его внешность. Потому что мало рассказать о волевых чертах лица, и нет таких слов, чтобы передать вселенскую мудрость пламенных очей, видевших, говорят, рождение мира. Хан Ифритов – один из первых детей Создателя и один из древнейших жителей земли... Какие уж тут слова?

– Смотрите на них, ифриты и джинны! – простирая длань, воскликнул повелитель. – В лице этих трёх юношей я приветствую всё новое поколение наше. Приветствую – и благодарю, ибо именно их незаметная работа нынче совершает чудеса. Не страшась молвы и осуждения близких, они трудятся во имя мира и единения народов.

Хан дал подданным несколько секунд, чтобы хорошенько усвоили услышанное, и продолжил:

– Мы ждём извержения, которое вернёт нам четырёх братьев. Скоро наступит этот великий день, и все мы возрадуемся. Но знайте: через два месяца придёт день, когда к нам вернутся – слышите ли? – триста двадцать два потерянных на полях сражений джинна!

Повелитель обвёл взглядом обомлевшее общество и добавил:

– И это не всё. В следующем году, без всякого извержения, к нам вернутся ещё семьсот шестнадцать наших братьев, а в следующие пять лет – четыре тысячи триста восемьдесят шесть. Я в сладкой растерянности, братья, ибо не знаю, с чем и сравнить грядущее торжество.

Он выдержал паузу, во время которой по залу пронёсся взволнованный ропот. Растерянность повелителя вполне разделяли все, ведь ничего подобного за всю историю мироздания ещё не бывало.

– Вы спросите: как такое возможно? – вновь заговорил Хан. – Ответ прост: наши дипломаты добились блестящих успехов в переговорах со смертными владыками. И теперь почти все джинны, когда-либо пленённые в ходе боевых действий, будут отпущены на свободу. Я говорю «почти», потому что пока в плену останутся джинны, совершившие особо тяжкие преступления против смертных, таких известно сорок два. Впрочем, уже можно смело сказать, что когда-нибудь мы договоримся и об их освобождении. Пока же – возрадуемся нынешним достижениям и восславим наших дипломатов!

Хан переждал бурю восторга, которой разрешил разразиться жестом левой руки, и продолжил:

—Однако я не сомневаюсь, что мудрейшие из вас зададутся вопросом: как вообще стал возможен подобный договор со смертными? Почему только теперь удалось его заключить? Ответ перед вами. — С этими словами Хан указал на трёх друзей, так и стоявших у подножия трона. — Благодарить надо наше молодое поколение — вот таких джиннов, как они. Это их малопочётный с виду труд помог смертным понять, что джинны — не чудовища, а такие же разумные существа, как они. Знаю, знаю, многим из вас покажется оскорблением сравнивать наше славное племя с жалкими смертными, как вы привыкли их называть. Но истина в том, что все мы — дети Создателя, а доброму отцу все дети одинаково дороги. И потому глупцом я назову того джинна, который скажет, что смертные ничтожны, ибо это значит назвать ничтожеством творение Создателя!

И снова Хан выдержал паузу, давая подданным время вдуматься в сказанное.

—Мы гордимся военными подвигами, которых много было совершено за минувшие эпохи, а молодое поколение вправе гордиться первым в истории джиннов мирным подвигом. Вот стоит перед нами скромный помощник посла, стараниями которого скоро будет освобождено больше джиннов, чем когда-либо возвращалось во время извержений. А вот — рядовой спасатель, чьими трудами смертные теперь обращаются к джиннам не с проклятиями, а с благодарностью и великой надеждой. А вот — представитель совсем простой профессии машинного джинна, первой профессии, которая заложила основы дружбы между нашим народом и смертными детьми Создателя. Так слава же им — слава джинновой молодёжи!

Зал потонул в послушном славословии, хотя, надо признать, не все джинны сразу осознали значение речи Хана. А речь-то, конечно, была историческая, и отнюдь не случайно выбрал для неё повелитель время и место.

Однако ж у нас рассказ не о том, как менялась политика джиннов, так что не станем задерживаться на описании последовавших торжеств, отметим только, что для трёх друзей следующие дни пролетели как-то совсем незаметно.

Первым пришедший в себя Полыхай объявил, что ни за какие коврижки не собирается упускать случай упрочить свою карьеру и засел на краю Ханского стола обрастать полезными знакомствами.

Скромного Искрюгая он почти насильно свёл с одним из младших Ханских шаманов по имени Дымун — и за это знакомство воздушный спасатель потом не раз благодарил товарища. Шаман, хотя и начинал чаровать при динозаврах и до сих пор пользовался терминологией, устаревшей ещё во времена царя Ломоноса, оказался не чужд новым веяниям, магией смертных интересовался активно и весьма помог Искрюгаю, у которого давно уже назрел проект усовершенствования некоторых употреблявшихся в спасательном деле чар.

Что касается Отжигая, то он отмёл все резоны Полыхая и согласился признать полезным только возобновление знакомства с дочерьми Магмуна-аги. Все последующие дни он посвятил флирту с тремя красавицами одновременно, благо, те резко переменили мнение о молодых джиннах и даже сами принялись добиваться их внимания — да только, увы, безрезультатно: поумневший Полыхай и всегда несколько малахольный в сердечных делах, а теперь ещё и увлечённый работой Искрюгай совершенно их не замечали! Зато Отжигай блаженствовал за троих...

Искрюгаю матушка, добрейшая Пекым, написала письмо. Состояла она служанкой при наперснице любимой жены Хана, а та, страдая мигренью, на извержение ехать наотрез отказалась. Даже, говорят, отозвалась о великом торжестве как о глупой мужской забаве: «Что там такого великого? Ну, Божественное Пламя, ну, извергнутся несколько джиннов... Изверглись

– и молодцы, пускай идут по своим делам. А вам, мужчинам, лишь бы пошуметь. Вы бы хоть раз родить попробовали – поняли бы цену всем этим вашим извержениям...»

В общем, с ханской мигренью не поспоришь, и остались наперсницы, камеристки и прочий прислуживающий персонал без Магмуни-сарая.

Однако ж письмо было радостным. Какими-то хитрыми дворцовыми путями разведала добрейшая Пекым, что отец Искрюгая, доблестный Пали хай Горюн, записан на освобождение во второй очереди, то есть уже на следующий год – вместе со всеми жертвами Усатовского поля.

Сердце Искрюгая дрогнуло. Он любил отца, хотя и знал, что огорчает его своей гражданской карьерой и «вознёй со смертными».

Новость взволновала всех. Про героев Усатовского поля все джинны знали – дело шумное было. Некий закордонский генерал вывез с Чёрного континента (где оставил погибать свою армию) несколько дюжин бутылей с джиннами и ифритами разной степени выдержки. Не без их помощи занял престол и, короновавшись под именем Напугалон Бандопат, пошёл завоёвывать мир.

Первые джинны послужили ему на славу, и многие их сородичи потом шли под знамёна Бандопата с большой охотой – «косточки размять, смертных погонять». Державы, оказавшиеся на пути Напугалона к мировому владычеству, тоже обратились за помощью к бессмертному народу. Хотя бывалые ифриты и усмехались – мол, что это за война такая, измельчали смертные, то ли при царе Ломоносе, вот были войны! – однако ж на зов боевой трубы слетались, как мухи на мёд. И, пожалуй, такого количества джиннов в рядах смертных армий ещё никогда не собиралось.

Однако вскоре стали выясняться некоторые неприятные детали. К примеру, джинны уяснили значение слова «прогресс». Оказалось, прогресс – это вовсе не простое самомнение смертных; оказалось, прогресс – это когда любой рядовой маг может заткнуть за пояс легендарного царя Ломоноса.

Когда Напугалон Бандопат напал на Расею, бои ожесточились до предела. На поле под деревней Усатово произошло грандиозное сражение, про которое даже бывалые ифриты (те, что уцелели) сказали, что за всю историю мироздания ничего хуже не видели.

Воистину, не во всякой из маридских войн погибало столько джиннов, как в один день под деревней Усатово. Ну, может, «погибало» и слишком громко сказано... Хотя, как уверяли ветераны, было уже трудно понять, кто из бессмертных попадает в ловушку свёрнутого пространства, кто исчезает в туманах враждебного для джиннов мира духов, а кто вообще пропадает невесть как и почему.

Пали хай Горюн, состоявший при князе Громадионе, отличился тем, что, будучи выпущен из пушки в сторону закордонской артиллерии, прорвал сеть защитных чар и разворотил батарею из тридцати шести орудий, а потом больше часа удерживал позицию, пока на него не навалились сразу трое ифритов маршала Мордые. Видя, что его положение безнадежно, Пали хай-Горюн крикнул пролетавшему неподалёку расейскому ковру-самолёту: «Вызываю огонь на себя!» Не прошло и пяти минут, когда вокруг изнемогающего героя и его противников замкнулся кокон свёрнутого пространства. Точка соприкосновения его с реальностью, конечно, тут же потерялась, кто бы следил в ходе небывалой битвы за такими мелочами.

Однако, как написала матушка Искрюгаю, смертные поисковики эту самую точку всё-таки обнаружили, и кто-то из их чародеев даже сумел установить контакт с заключёнными в кокон джиннами. По их словам, Пали хай-Горюн передал, что с нетерпением ждёт часа, когда сможет обнять жену и сына, и послал обоим своё благословение.

Этот абзац на медном листке был подплавлен слезами...

Меж тем приближался день извержения. Магмуни-сарай готовился к торжеству: наёмные гномы, пыхтающие в тяжёлых асбестовых костюмах, демонтировали и вывозили наиболее

ценные украшения, укрепляли помещения, которым по плану надлежало уцелеть, а главный архитектор, в согласии с пожеланиями Магмуна-аги, спешно вносил поправки в проект грядущих ремонтных работ.

Уже сотрясалась в округе земля, со склонов Бугай-горы срывались порой огромные камни, а жерло окуталось клубами густого дыма, по которым Ханские шаманы взялись предсказывать будущее.

Увы, их гадание оказалось тревожным. Искрюгай присутствовал на нём (пошёл вместе с Дымуном) и видел, как осунулись лица шаманов. Наспех было объявлено, что грядущее туманно, но уже вечером все заговорили о близкой войне. Правда, никто толком не мог сказать – с кем. Версии выдвигались самые дикие, вплоть до чудесного возвращения давным-давно истреблённых титанов и объединённой агрессии смертных народов.

Дымун же говорил своему молодому другу:

– Вот увидишь, это мариды! Тяжкое поражение потерпели они в последней войне, не их сейчас время. Но я давно чувствую угрозу с их стороны. Никто не знает, сколько сил они успели накопить... Старшие Ханские шаманы не прислушиваются ко мне, но я уверен: мариды готовы на всё. Они наверняка уже знают об успехах нашей славной дипломатии, и, конечно, напуганы. Слишком сильны мы станем, когда вернутся все наши братья. Нет, мой юный друг, мариды не станут ждать, они нанесут удар...

Неизвестность не продлилась долго. Уже к полуночи прибыл гонец, и вскоре Хан Ифри-тов, призвавши всех в Церемониальный зал Магмуна-сарая, объявил:

– Верные мои подданные! Великая беда пришла к нам. Недолго тешились мы надеждой на мирное единение народов земли. Есть один народ, которому ненавистно слово «мир». Наши извечные враги, мариды, вновь толкают нас в пекло войны! В минувший полдень их силы вторглись на остров Хлаадун. От наших братьев, несущих там службу, поступило одно-единственное сообщение о приближении врага. Больше об их судьбе мы ничего не знаем, но нет сомнения, что их уже приняло в свои объятия Божественное Пламя Недр. И только два часа назад от вероломных маридов пришло вопиющее в своей гнусности требование отказаться от претензий на Хлаадун. Все вы, конечно, помните, что этот остров, лежащий в ледяных морях под семидесятым градусом северной широты, отошёл к нам по условиям перемирия, заключённого десять тысяч лет назад и завершившего последнюю по времени маридскую войну. Тогда же было решено разместить на Хлаадуне крупный вулкан. Все минувшие века мы усердно работали, подводя под остров вулканический котёл. В прошлом году была назначена дата открытия вулкана, о чём писала даже пресса смертных. Торжественное событие мы запланировали провести через двадцать лет. За всё это время мариды ни разу не пытались обжаловать условия мира. И вот теперь – напали без предупреждения, едва удосужившись формально объяснить свою подлость тем, что им будто бы требуется жизненное пространство. Никогда не было веры слову маридов, но такого гнусного коварства мы не ждали даже от них. Братья! Настал час войны. Видит Создатель, мы её не хотели, но теперь пути назад нет. Мы должны отомстить подлым маридам – и мы отомстим! Мы обрубим их жадные щупальца, пресечём их происки и поставим несокрушимый заслон их алчным мечтам о власти над миром!

Отжигай оставил общество прелестниц, Полыхай откланялся, покинув кружок влиятельных джиннов, Искрюгай извинился перед Дымуном. В ту ночь трое друзей до утра сидели с серной и пили не пьянея.

Ну, почти не пьянея.

– Куда мы денемся, братья? – говорил Отжигай. – Это в мирное время можно выбирать, а теперь – что же, труса праздновать? Дело уже не в том, чего я хочу, а чего не хочу. Просто стыдно будет в зеркало смотреть, если сейчас отсидеться надумаю. Ну, что вы молчите? Скажете, неправ Отжигай?

–Прав! – крикнул, опрокинув кубок, Полыхай. – Да и чего нам бояться? Когда-нибудь возродимся.

–Да поди и не понадобится, – махнул рукой Отжигай. – В конце концов, всегда наша брала. Глядишь, ещё вернёмся героями. Я тогда сразу на Варым женюсь. А если орден получу и право содержать гарем – возьму себе всех трёх красавиц, вот так. Похихикают они у меня...

–Пускай я хоть сто раз мирный джинн, – продолжал, почти не слушая друга, Полыхай, – но ноблесс, как известно, оближ... Это по-закордонски, – пояснил он в ответ на немое удивление товарищей. – Означает – назвался груздем – не говори, что не дюж. То есть наоборот: полез в кузов – берись и за гуж... Или нет: любишь кататься – люби и саночки?... – несколько сбившись, спросил он у себя, но ответа в глубинах сознания так и не нашёл. – Ну, в общем, коли уж родился джинном – так изволь повоевать. Такова традиция. Да, мы – новое поколение со своими жизненными принципами – и не самыми плохими, если вспомнить высокую оценку, которую дал нашим скромным усилиям великий Хан Ифритов. Но это не значит, что мы отвергаем традиции! Напротив, мы должны на деле показать, что глубоко уважаем славные традиции нашего народа – только тогда к нам будут прислушиваться, и к нашим принципам отнесутся с вниманием и пониманием...

–Ох и умный ты, брат! – восхитился Отжигай. – Так бы и слушал. Только некогда слушать. Давайте-ка выпьем за то, чтоб всем маридам – ноблессом по оближу, а там и снова можно колёса повертеть, и даже с превеликим удовольствием, потому что я море люблю. Я Варым намерен про корабли рассказывать – очень захотела посмотреть. Вот вернёмся с войны – я её на море возьму.

–Вместе будете винты на пароходах крутить? – улыбнулся Полыхай.

–А что, и будем! – не замечая насмешки – впрочем, не злой – загорелся Отжигай. – Она девчонка славная. Весёлая такая...

–А ты что молчишь, Искрюгай? О славе предков думаешь?

–Ну... Да, наверное...

–Что значит «наверное»? – поразился Полыхай. – Ты сам не знаешь, о чём думаешь?

–Почему, знаю. О том, как использовать остаточную энергию, высвобождающуюся при развёртывании пространства из спасательной бутылки, для дополнительного замедления времени, – отчеканил Искрюгай, слегка наклонив бутылку серной.

Его друзья недоумённо переглянулись. Отжигай отобрал у него бутылку, снова наполнил кубки и спросил:

–Как можно думать о гражданской работе в такой момент?

–Об этом всегда интересно подумать. Понимаешь, спасти, используя только природную свою силу, ненадёжно. Тут нужен новый подход. Научно обоснованный. Я уже решил про себя: как война кончится, к смертным пойду – подучиться. Знаний не хватает...

–Ну, а на войну-то пойдёшь? – спросил Полыхай.

–А я разве не сказал? Пойду, конечно.

–Нет, так не годится, – возмутился Отжигай. – Мы тут душу друг перед другом открываем, Полыхай вон, вообще, как с трибуны чешет, а ты – пойду, мол, и всё, и не мешайте об остаточной энергии думать. Нет, ты, брат, скажи, почему ты пойдёшь?

–Как же иначе? Иначе-то нельзя...

–Нет, ты всю подноготную выкажи, – не унимался Отжигай. – Тогда отстанем, думай о чём влезет.

–Да что тут скажешь? – смутился Искрюгай. – Вы уже всё сказали, и оба правы. Ну, в самом деле, нельзя же... Нельзя в жизни делать только то, что хочется. А я... нет, правда, я не хочу на войну. Не подумайте, что я трус. Хотя... вы вправе так подумать. И, наверное, да, я трус. Мы бессмертны, но вот окажусь я в Неугасимом Пламени, возрожусь через миллион лет – и кому я буду нужен со своими устаревшими знаниями? Да, мне страшно. Чтобы меньше

бояться, и стараюсь думать о работе. Но ведь нельзя потакать страху. Нельзя отворачиваться от долга. Я знаю, что должен – и я пойду бить маринов. Так надо.

–Знаешь, что я тебе скажу, Искрюгай? – спросил машинный джинн, мечтающий вертеть судовые винты вместе с дочерью владельца Бугай-горы. – Я тебя уважаю.

Был в истории народа джиннов один печальный, но, конечно, всё равно очень славный момент. Младший брат Хана, могущественный Тлеун ибн Создатель хай Султан, сманивши на свою сторону сотни ифритов, поднял мятеж. Была великая битва – на месте её до сих пор шелестят пески великой пустыни Сухар. Тлеун и его соратники были низвергнуты в Неугасимое Пламя Недр.

Тлеун давно уже восстановился и каждые сто лет шлёт через контактирующих с Пламенем шаманов витиеватые прошения, но Хан велел шаманам телепатировать в ответ такие слова: «Нет больше гнева в сердце моём, но, чтобы искупить великую вину свою, ты должен будешь, брат мой, ждать, когда истекнут неведомые сроки, и тогда исполнить волю мою, а до тех пор служи примером в назидание другим».

Тлеун не раз намекал, что истечения сроков он мог бы подождать и на земле, где ему куда сподручнее будет назидать и служить примером, но Хан оставался непреклонен.

То давнее предательство потрясло бессмертный народ, однако до сих пор – на удивление прочим детям Создателя – джинны, вступая в ряды вооружённых сил, не приносят присяги и не дают никаких клятв. Только знакомятся с уставом воинской службы и подтверждают это знакомство в ходе экзамена.

Трое друзей, пользуясь своей известностью, пробились на экзамен к почтенному Искробаю, наставнику молодёжи, одними из первых.

И разбросала их судьба. Отжигай был зачислен в морскую разведку. Полыхая срочно вызвали в дипломатический корпус. Про Искрюгаю почтенный Искробай сказал со вздохом:

–В Сапёрный полк бы тебя, да нельзя туда без опыта. Прочие полки уже укомплектованы. Придётся подождать, юноша: начинается формирование Второго Сводного, там и годишься.

Ждать было нелегко. Все, все уже ушли на фронт, опустела Бугай-гора, и страх скалился из полутёмных углов, жутко дышало гулкое эхо. И думать ни о чём не получалось.

Столкнулся как-то с красавицами – совсем тошно стало. Видно было, с каким трудом они пытаются решить задачу: как теперь относиться к нему, вроде и отмеченному Ханом, но как будто отсидевшему в тылу.

В другое время Искрюгай бы просто ушёл, одарив несравненную Жарым грустным взглядом, а тут его понесло: вот, мол, как только соберётся Второй Сводный, так мы и ударим по маридам, может, уже не вернусь... Потом, вспоминая эти глупые речи, со стыда чуть гранитный пол не проплавил. Это всё от затянувшегося ожидания.

Скорей бы уж... хоть что-то.

С фронтов приходили вести – и большей частью странные, как-то не складывающиеся в общую картину. С Хлаадун маринов выбили первым же ответным ударом, и выбили легко, но тут же потеряли три вулкана в глубине Грызландии. Бросили силы туда, вновь одержали подозрительно лёгкую победу – и снова получили неожиданный удар совсем в другой части света. Марины обрушились на один из экваториальных островов, перебили там две дюжины джиннов, погасили вулкан и поспешно отступили.

Никто не мог понять, чего они добиваются. О претензиях на Хлаадун уже, кажется, можно было забыть, никаких больше требований мариновские власти не присылали – только били куда ни попадя, как будто без всякого смысла и цели.

Одно уже было ясно: война предстоит нешуточная. Никого из смертных она пока не зацепила, стало быть, марины всё же действовали осторожно и продуманно, и то, что их планы

неясны, говорило только о недалёковидности джиннов. Так, во всяком случае, рассуждал Маумун-ага, от волнения снизошедший до доверительной беседы с племянником.

Второй Сводный полк никак не мог собраться, и Искрюгай уже думал, что совсем сойдёт с ума, ожидая вызова к точке сбора, но внезапно ему повезло. Оказывается, могучий Сожги-Башка пока не сражался: Хан Ифритов призвал его к себе в ставку в качестве советника. И вот теперь он с небольшим отрядом всё же отправлялся к полярным льдам, а по дороге остановился на Бугай-горе – извержение-то никто не отменял, и он намеревался встретить брата.

Воистину, ни одно извержение не проходило ещё так буднично. Присутствовали только ближайшие родственники возрождающихся, Старший шаман (очень недовольный, ибо жаждал быть на передовой) с помощником, кое-какая прислуга и, конечно, хмурый как туча Маумун-ага с семейством. Не заметить сторонящегося всех и отчётливо нервничающего молодого джинна было невозможно. Вечером, в ещё не прибранной трапезной, засыпанной осколками гранита с потолка, Сожги-Башка позвал его к себе за стол, где сидел с возродившимся братом и сильфом-ординарцем.

– Вот один из тех героев мирного времени, о которых я тебе говорил, – сказал он Пылай-Башке.

Тот только фыркнул, окатив Искрюгаю презрительным взглядом. Он был ещё слаб, как бывает со всеми после возрождения, ему бы следовало отлежаться хоть неделю, но он, поднимая кубок, объявил, что отправится в бой уже завтра:

– Вовремя я пришёл! Маридаы проклянут тот день, когда победили меня, ибо страшна будет моя месть! Вдвойне же рад я тому, что вернулся в ту эпоху, когда Ханского внимания удостаиваются сопляки, не убившие ни одного врага, – прибавил он, ещё раз опалив взглядом Искрюгаю, который уже жалел не только о том, что пришёл нынче в трапезную, но и том, что вообще родился на свет.

Впрочем, Сожги-Башку заявления брата, кажется, трогали мало. Не замечая его насмешки, он обратился к Искрюгаю:

– Ну что, мирный герой, идёшь на войну?

– Конечно.

– Почему же?

Что за напасть – всем непременно надо это знать...

– Как же иначе? – привычно пожал плечами Искрюгай. – Таков долг.

– Вот это уже слова джинна! – обрадовался Пылай-Башка. – Не переживай, юнец, опыт – дело наживное, а у тебя впереди целая вечность. Ещё научишься драться как следует, может, даже нашу с братом славу затмишь!

– Что ж, это, действительно, правильный ответ, – согласился Сожги-Башка. – Только я, пожалуй, задал неправильный вопрос. На самом деле мне хотелось бы знать: хочешь ли ты на войну?

Искрюгай уже открыл было рот для речи, которая начала у него складываться при виде Пылай-Башки, но внимательный взгляд Сожги-Башки остановил его. В конце концов, что он такого выгадает, если представится в глазах возрождённого ифрита более воинственным, чем есть на самом деле? И если даже выгадает – стоит ли оно того, чтобы пятнать себя враньём? Искрюгай покачал головой и ответил честно:

– Нет. Только какая разница? Всё равно же надо...

Пылай-Башка фыркнул, а Сожги-Башка сказал:

– Ты и правда неглуп.

– Что ты такое говоришь, брат? – взвился возрождённый. – Идёт война с маридами, а молодой джинн говорит, что ему не хочется сражаться? Это уже не просто глупость, а полный абсурд! Такого не было никогда за все эпохи!

–Брат, тебе ещё немало предстоит удивляться, – сказал Сожги-Башка. – Мир сильно изменился... И, если ты не веришь мне, поверь хотя бы Хану Ифритов, который похвалил при всех этого юношу вместе с двумя другими, такими же, как он, скромными тружениками.

По глазам было видно, что Пылай-Башка так ничего и не понял, но на всякий случай воскликнул:

–Слава Хану Ифритов!

Со всех концов зала долетело ответное:

–Слава! – и Пылай-Башка, немного успокоившись, поудобнее устроился на ложе.

А его брат снова спросил Искрюгая:

–Что ты думаешь об этой войне?

–Ну, мне не хватает опыта, чтобы выносить суждения...

–Так я и не прошу от тебя точного ответа – я хочу услышать мнение. Если не опыт, то хотя бы воображение должно тебе что-нибудь подсказывать?

–Наверное, это самая странная война, какая только бывала в истории, – осторожно предположил Искрюгай.

–Так сейчас все говорят, – не без раздражения махнул рукой Сожги-Башка. – Сам-то как думаешь – что именно в ней странно?

–Действия маридов кажутся бесцельными.

–Это действительно твоя мысль? – помедлив, уточнил Сожги-Башка.

В голосе его сквозило разочарование, и Искрюгай вдруг поймал себя на том, что разочаровать этого ифрита ему хочется меньше всего на свете. Он поспешно сказал:

–Нет, это мысль моего дяди, почтенного Магмун-аги, просто я с ним согласен. Но если вы действительно хотите узнать моё мнение, что ж, я скажу, хотя, должно быть, оно вас только насмешит. Мне кажется, на самом деле всё просто. Мариды хотят растянуть наши силы, раздробить их, раскидать по всему свету – и вот тогда они постараются нанести удар, от которого мы не оправимся. Может, они даже планируют покушение на Хана...

Эти слова почему-то обрадовали Сожги-Башку.

–Вот! – воскликнул он, обращаясь к брату. – Вот, видишь?

–Нет, не вижу. Что я такое должен увидеть, кроме мальчишки, который не хочет идти на войну, но при этом строит из себя великого военачальника?

–Ты не видишь главного – того, что он прав! А знаешь, почему он прав? Потому что он дитя новой эпохи. Он мыслит иначе, чем мы, и оказывается прав там, где нам застилают взор устаревшие суждения.

–Что ты городишь...

–Посмотри на себя. Ты слаб, а рвёшься геройствовать. Не думай, я не смеюсь над твоим рвением. Просто хочу втолковать, что геройство пропадёт впустую. Ты ведь жаждешь битвы, в которой сойдёшься Морозом, внуком Царицы Маридов? Жаждешь истребить на поле брани сотни врагов, чтобы остальные устрашились и пали на колени?

–А то!

–Но такой битвы не будет. Во всяком случае, если она произойдёт, то ещё очень не скоро. Нынче не те времена. Исход битвы уже не решается поединком великих воинов. И плох нынче тот полководец, который решить исход войны в генеральном сражении.

–Как такое может быть?

–Отец этого мальчугана пропал на Усатовском поле. Я потом расскажу подробнее, ты оценишь, битва была знатная. Генеральная баталия, как теперь говорят. Так вот – что ты скажешь об армии, которая понесла большие потери и оставила поле боя врагу?

–Что она проиграла, конечно!

—Однако именно эта армия выиграла войну – и в немалой степени благодаря Усатовской битве. Фактически проиграла – а дух врага сломила, потому что победа закордонцам ровно ничего не принесла, а далась тяжелее некуда.

—Постой, так ты говоришь об армиях смертных? А, то-то я смотрю, ты ерунду городишь. Нашёл на кого оглядываться...

Упорство брата уже начал сердить Сожги-Башку.

—Марида у смертных кое-чему полезному уже научились – не грех бы и нам последовать их примеру. Суди сам: сейчас все умы в Ханской ставке заняты вопросом, куда будет направлен главный удар марилов – и никто не желает замечать, что они всеми силами избегают крупных столкновений. Мы выставляем на основных направлениях мощные заслоны, перебрасываем с места на место массы войск, а марида и не думают ни о каких решающих битвах – они просто изматывают нас. И скоро действительно добьются того, что раздробят наши силы. И тогда смогут бить нас по частям... Или, того хуже, спровоцируют на вторжение.

—Что же тут плохого? Нет ничего лучше, чем бить врага на его же территории.

—А ты как думаешь, мальчик? – спросил Сожги-Башка Искрюгай.

—Я думаю, в полярных областях преимущество будет у марилов, – осторожно сказал тот. – Наверняка свои главные силы они скрывают...

—Верно мыслишь, – кивнул Сожги-Башка. – Среди льдов они без труда смогут заманить нас в ловушку. Тем более, под угрозой их стремительных нападений мы всё равно не сможем бросить к полюсам все наши войска. Армия вторжения обречена. Армия, которая рассредоточится по десяткам крепостей, тоже обречена. Что же остаётся?

Пылай-Башка подумал и сказал:

—Бросить Снежной Королеве вызов! Сама она сражаться не выйдет, так пусть пошлёт лучшего своего воина – я его одолею!

—А твоё мнение, юноша?

Искрюгай подумал, что уж теперь-то над ним точно посмеются. Но этот разговор с великими героями вдохновил его, и он уже не мог не сказать:

—Это, конечно, всего лишь идея мальчишки, но я думаю, марилов надо перехитрить.

—Надо же, какой гениальный план! – не удержался Пылай-Башка. – Легко сказать – перехитрить, а как ты это собираешься сделать?

—Ну... Я бы обманул их манёврами. Скажем, сделал бы вид, что собираюсь штурмовать полюс на каком-нибудь из направлений. Марида, по-видимому, этого от нас и ждут – и именно там сосредоточат силы для обороны. А мы бы двинули совсем с другой стороны!

—Ну, тут ты ничего нового не придумал, – попытался отмахнуться Пылай-Башка. – Такие хитрости всегда в ходу были...

—Однако же пока никто, кроме этого мальчишка и лично меня ничего подобного не предложил, – сказал Сожги-Башка. – А мысль-то правильная. Примитивная, но верная по сути. На простую хитрость марида не купятся, я уверен. Сами слишком хитры. Но это значит, что нам нужна особая хитрость – с двойным дном...

—Ты уже что-то придумал, верно? – спросил Пылай-Башка.

—Не только придумал, но и начал делать... Однако не будем забегать вперёд, всё откроется в своё время. А пока вот что: юноша, ты, я вижу, парень с головой, да и рекомендации у тебя хорошие. Предлагаю не дожидаться формирования Второго Сводного, а вступить в мою личную Особую дружину. Хочешь?

У Искрюгай будто что-то оборвалось внутри. Вот и решилось, вот и настало то самое «хоть что-то», которого он так страстно ждал.

—Господин Сожги-Башка, я сочту за великую честь сражаться рядом с вами... и вашим досточтимым братом, прославившим имя ифритов великим подвигами.

–Ну вот, это уже речь, достойная джинна, – смягчился Пылай-Башка. – Что бы ты ни придумал, брат, я тебе верю и готов идти в бой. Выступаем завтра!

–Через два дня, – голосом, не терпящим возражений, сказал Сожги-Башка. – Я вызвал ещё несколько толковых джиннов, дождёмся их.

–Эй, что они, не могут догнать нас в пути? Я не могу ждать, когда где-то вдали мои собратья воюют с подлыми маридами!

–Ты сперва в зеркало посмотришься. Тощий, как скелет смертного, тебя сейчас в бой пускать можно только в надежде, что марида перемрут со смеху, – строго сказал Сожги-Башка. – И больше ни слова, если действительно хочешь пойти со мной. Не забыл ещё, как я отношусь к неповиновению? Ждём два дня. И ты, мой дорогой брат, всё это время будешь принимать оливковые ванны и кушать много кремниевой халвы, чтобы восстановить силы.

–На марида у меня силы всегда найдутся, – проворчал Пылай-Башка, но от оливковых ванн отказываться не стал. – А что, халву нынче делают не хуже, чем раньше?

–Ещё лучше. Стали добавлять в неё алюминиевый порошок – пальчики оближешь!

–Звучит уже вкусно, – признал Пылай-Башка, рывком взглядом по столу и прищелкивая пальцами, отчего посыпались вокруг разноцветные искры. – Сейчас попробуем...

К концу дня Искрюгай понял, что не только разлюбил Жарым, но и вообще рискует ненавидеть женский пол. Как только стало известно, что его взял к себе сам Сожги-Башка, он сразу вновь стал интересен для всех трёх прелестниц. Правда, в основном как ступенька на пути к бойким красавцам из Особой дружины, в которую великий герой набирал много молодёжи.

Хорошо ещё, что времени на болтовню у Искрюгая не было, а то бы он, наверное, и сорваться мог. Правда, что бы он в этом случае сделал, сам не знал. Просто чувствовал, что может натворить дел, и всё тут.

Но времени, как уже сказано, не было. Сожги-Башка вооружил нового бойца своей дружины и отправил тренироваться на склоны Бугай-горы вместе с ординарцем, которого звали Джарким.

Оружие неожиданно очаровало Искрюгая. Ятаган особой закалки и небольшой круглый щит из драконьей чешуи не боялись никаких перепадов температур и были очень красивы. Казалось, часами можно наблюдать, как переливаются чешуйки и пробегают багровые блики под благородным чернением стали. Кроме того, Искрюгай получил защитный амулет и защитный наговор, а ещё заклинание огненного дротика с двенадцатикратным зарядом и чары огненного хлыста.

–Очень полезная вещь, – объяснил Искрюгаю Джарким. – Ни тебе, ни другому джинну он никогда не повредит, а вот марида даже надвое разрубить может – конечно, если сноровка есть и марида не слишком сильный. Осваивай. Только помни: как бы ни старался, за несколько дней бойцом никто не делается. Поэтому, если что, в рубку не суйся. Это приказ Сожги-аги, не вздумай ослушаться. Сожги-ага сказал: главным твоим оружием будет вот это.

И ординарец великого воина передал Искрюгаю пояс с четырьмя подвешенными к нему бутылками, которые спасатель не мог не узнать: именно в таких он и работал, сперва на флоте, потом на ковролётке.

–Там что, ещё джинны? – удивился Искрюгай.

Джарким рассмеялся.

–Нет, конечно! Просто чары свёрнутого пространства и времени. Видишь ли, загонять марида в ловушку – занятие хлопотное, они очень устойчивы к таким чарам. Сожги-ага другое придумал: менять пространство вокруг марида, замедлять его движения. Ты в этом деле специалист, будешь бутылками в марида кидаться. Запас у нас приличный, но ты всегда носи их при себе, чтобы привыкнуть. Разбить не бойся, бутылки крепкие... Хотя нет, лучше всё-таки

бойся. А то от вас, новичков, всего можно ждать. Ну-с, а теперь приступим к делу. Хотя хорошим бойцом тебе не быть, однако, коли зачислен в Особую дружину к Сожги-Башке, должен знать, с какой стороны за ятаган браться. – С этими словами он обнажил своё оружие. – Давай, нападай! Смелее!

С какой стороны браться за ятаган, Искрюгай усвоил быстро, а вот что с ним потом делать – оказалась наукой посложнее. За два дня с Искрюгая четырнадцать потов сошло – по семь ежедневно. Местом тренировок была выбрана площадка, где широкий язык лавы, смахнув Хризоберилловый сад и разрезав террасу, застыл огромным наростом, пустившим во все стороны огненные щупальца. Извержение уже сходило на нет, но склоны Бугай-горы по-прежнему содрогались, вниз срывались огромные, казавшиеся незыблемыми скалы, местность окутывал густой дым. Корка застывшей лавы то и дело проламывалась под ногами, и Искрюгай сотню раз искупался в густой, медленно твердеющей лаве. Джарким, что интересно, любую слабинку словно пятками чувал и обычно успевал отскакивать, но пару раз и ему довелось окунуться с головой.

На сон Джарким отводил ученику всего четыре часа, но в первую ночь Искрюгай от усталости даже уснуть не смог. Лежал на спине, краем глаза разглядывая надоевший за день пояс с бутылками, и вяло сердился про себя на великого воина, которому, оказывается, всего лишь понадобился специалист по спасательному оборудованию. Потом, однако, подумал: «Но ведь понадобилась же моя мирная профессия, и не кому-нибудь, а легендарному Сожги-Башке! И не кого-нибудь он взял, а меня – и это уж полностью моя заслуга...»

Однако от усталости даже лстыть себе было лень, как и завидовать Пылай-Башке, который всё это время проводил в оливиновых ваннах.

Джарким был непобедим. Много раз, когда кончик его ятагана замирал около самой кожи Искрюгая, тот задавал себе вопрос: «И что же я буду делать в бою?» Однако ординарец Сожги-Башки словно умел читать мысли и вовремя напоминал:

–Твоё дело – выжить и забросать маридов бутылками.

Вместе с ними упражнялись во владении оружием и другие члены отряда. Их было не больше двух дюжин, и только трое выглядели бывалыми ифритами, хотя, судя по знакам отличия, относились к разряду младших. В основном Особая дружина состояла из джиннов не старше двух тысяч лет. Однако присматриваться к ним у Искрюгая не было возможности: обычно Джарким ему и секунды лишней не давал.

Вечером второго дня на площадку вышли два великих воина. Пылай-Башка, ещё отнюдь не пышущий здоровьем, но уже посвежевший и сменивший синюшную серость кожи на нормальный багровый цвет, тотчас стал подшучивать над бойцами. Сожги-ага, усмехнувшись, подозвал к себе Искрюгая с Джаркимом:

–Сейчас проведём особую тренировку: вы двое против всех остальных. Разрешаю использовать одну из бутылей. У нас с тобой, Искрюгай, нет времени, чтобы хорошенько продумать тактику применения этого оружия, поэтому я полагаюсь на твоё чутьё и опыт. Думай сам, как сделать так, чтобы никто из противников не мог дотянуться до Джаркима, а он бы успел поразить всех.

–А... какой заряд у этих бутылей? – спохватился Искрюгай.

–Сам определишь, по ходу дела. Некогда нам. Так, внимание сюда! – крикнул он. – Мой брат хочет посмотреть на боевое искусство нового поколения. Сейчас вы все, разом, нападёте на Джаркима и Искрюгая. Действуйте!

Удивлённые джинны выстроились полукругом перед Сожгиевым ординарцем и новичком. Двое великих воинов отошли в сторону, Джарким обнажил клинок, однако условный противник медлил, и тогда Джарким шепнул:

–Давай-ка сами на них нападём. Кидай бутылку по центру.

Искрюгай снял с пояса одну из бутылей и рванул шнур, выдёргивая пробку. Неудержимая сила, невидимая, но ощутимая каждым нервом, расплескалась вокруг. Соперники тотчас пришли в движение, однако Искрюгай уже направил на них волну разворачивающегося пространства – все они в итоге оказались от Джаркима и друг от друга чуть дальше, чем предполагали.

Странное чувство охватило Искрюгая. Всё было так знакомо – и непривычно в то же время. Мускулы просили движения, но никого не надо было спасать...

Между тем Джарким, для которого пространство, по воле Искрюгая, сохраняло свои обычные параметры, уже достиг двух ближайших джиннов и поразил их одного за другим.

Разворачиваться пространство дальше не было смысла, это быстро бы истощило заряд (двойной универсальный – такие обычно и использовались в практике спасателей), и Искрюгай свернул его. Нечто подобное он сделал – по наитию – во время последней своей катастрофы: просто приблизил к себе падающие с неба предметы, чтобы быстрее их подхватить. Сейчас это привело к тому, что уже разогнавшиеся джинны сбились в кучу, некоторые скользнули мимо Джаркима далеко в сторону.

Ещё два взмаха ятагана – ещё двое условных противников побеждены.

Бойцы Особой дружины, впрочем, быстро учились на ошибках. Все они были джиннами, а значит, могли умирять потревоженное пространство вокруг себя. Вот только навыка им не хватало – Искрюгай легко «перехватывал» у них управление пространством. Бойцам осталось одно: воспользоваться численным преимуществом. И они сумели выстроиться так, чтобы коварный новичок не мог охватить своими чарами всех сразу.

Несколько джиннов поднялись в воздух и напали на Искрюгая. Остальные, пользуясь тем, что могли чувствовать, на кого в данный момент направлены чары, а на кого нет, слаженно напали на Джаркима, тому оставалось только защищаться. Заряд уже истощался, и Искрюгай не придумал ничего лучше, как выхватить ятаган и броситься на выручку соратнику.

Ему удалось замедлить оказавшегося на пути джинна и прикоснуться к нему клинком, но помочь Сожгиеву ординарцу он так и не сумел: его быстро поразили с воздуха.

Джарким, проворный, словно ртуть, держался ещё несколько секунд, потом и его коснулись клинки соперников.

–Бой окончен! – объявил Сожги-Башка и обернулся к брату: – Ну, как тебе это нравится? На лице возрождённого ифрита застыло потрясённое выражение.

–Один опытный фехтовальщик и один необученный новичок против двух десятков весьма неплохих воинов, – продолжал Сожги-Башка. – Итог: двое проиграли, но сумели сразить семерых противников. (Искрюгай удивился: семерых? как мало он, оказывается, успел заметить из происходившего вокруг!) Причём, если бы новичок использовал вторую бутылку, результат мог быть ещё более впечатляющим.

–Проклятье, – выдохнул Пылай-Башка. – Что случилось с миром, пока меня не было?

–Прогресс, брат мой, прогресс. Будь он проклят... – не удержал Сожги-Башка тяжкого вздоха. – Однако ж, как видишь, приспособиться можно. Так, дружина, слушай! Сейчас анализируем бой, а потом всем – по оливковым ваннам, плотно кушать и крепко спать! Выступаем на рассвете.

Толковые джинны, которых поджидал Сожги-Башка, прибыли к ночи. Вместе с ними, да считая великих ифритов, численность Особой дружины выросла до двадцати восьми бойцов. Впрочем, Джарким обмолвился, что это ещё не всё.

Оплатить оливковые ванны на такую компанию мало кому средства позволят, но Сожги-Башка для своих не скупился. Приятнейшая это оказалась вещь, всю усталость как рукой сняло, а потом ещё был массаж с притираниями, и богатый стол...

Ах, как жаль, что удовольствия так скоротечны!

Рано утром сгустилась над Бугай-горой обширная грозовая туча, на ней и разместились Особая дружина. Вместе с джиннами в путь отправлялись ещё около сорока сильфов из личной прислуги Сожги-Башки, его брата и трёх младших ифритов.

Магмун-ага на прощанье пожал Искрюгаю руку и напутствовал так:

– Не посрами славы рода Горюнов!

Дочери его помахали платочками, а Жарым даже поцеловала Искрюгая в щёку. Магмун-ага на это поморщился, но ничего не сказал.

– Спасибо, – шепнул Искрюгай.

– За что, глупый? Мы же с тобой родственники.

– А... ну да, конечно.

– Ничего особенного в этом поцелуе нет, правда? – кокетливо улыбнулась Жарым.

– Действительно, ничего нет, – согласился Искрюгай.

Кажется, она ждала совсем не такого ответа, во всяком случае, ему почудилось неудобство на прекрасном её личике. Интересно, что бы сказал на этот счёт знаток женских сердец Польшай?

Впрочем, эти мысли скользили как бы по поверхности сознания, не затрагивая сердца.

Он шёл на войну, и сердце его дышало другим – каким-то необъяснимым мрачно-вато-радостным предчувствием бесповоротных перемен. Если даже ему не суждено погибнуть, Бугай-гора никогда уже не увидит того Искрюгая, каким он был прежде.

– На борт! Все на борт! – прозвучал чей-то крик, разбивая неловкую паузу, и Искрюгай, ещё раз махнув родне на прощанье, взлетел к туче.

Рокотнул гром под ногами, порушенные извержением склоны Бугай-горы скользнули вниз. Было видно, как на западных утёсах уже копошатся гномы-ремонтники. Вот они стали не больше муравьёв, вот совсем исчезли из виду. Искрюгай отвернулся и обратил взор вперёд.

Громы вскоре стихли, остался только шум ветра. Туча шла высоко, не меньше четырёх вёрст над землёй. Джарким сказал, сейчас все джинновские тучи ходят повыше, чтобы не тревожить смертных и не нарушать их воздушных маршрутов – таково веление Хана. Кто знает, во что выльется эта война, ссориться со смертными сейчас, особенно в свете заключённых соглашений, совсем не хотелось.

Путешествие на туче должно было занять шесть дней. «Надо было взять с собой книги, – подумал Искрюгай, – а то опять ждать...»

Однако тут раздался голос Сожги-Башки:

– Дружина, ко мне!

Оказалось, на скуку рассчитывать нечего. Предводитель Особой дружины установил такой распорядок полёта: один джинн на управлении тучей, трое в разведке, смена – каждые три часа; остальные либо упражняются, либо спят. Свободное время каждому – час в сутки.

Поскучай тут...

Искрюгаю в первый день и этого часа не досталось. Сожги-Башка до самой ночи обсуждал с ним подробности вчерашней тренировки и предлагал обдумать то один, то другой приём использования силу бутылки. Это было очень близко к работе Искрюгая, и он увлёкся, сам стал изобретать разные способы, а потом оказалось, что пришла его очередь лететь в разведку.

Следующее утро началось с ятагана, потом он отстоял свои три часа «у руля», потом учился метать огненные дротики, потом упражнялся во владении хлыстом, потом думал над приёмами использования свёрнутого пространства-времени, потом летал в разведку... Потом, кажется, всё-таки спал, но это как-то ускользнуло и не закрепились в памяти, так что, казалось, после разведки снова были ятаган и дротики, и руль, и хлыст, и воображаемый бой с применением бутылки...

«Как бы к концу полёта алфавит не забыть», – усмехался про себя Искрюгай, вспоминая, как жалел об отсутствии книг.

По-настоящему свободными были только часы разведки. Далеко внизу проплывала земля: сперва обожжённые солнцем бесплодные равнины Воравии, потом узкая полоска моря с жёлтыми пляжами и дымящими чёрточками кораблей. Потом приземистые горы, сверкающие ниточки рек за серебристой облачной вуалью; потом заснеженные поля и тёмные щёточки лесов...

Мирная земля и мирные воды. Никому там, внизу, не было дела до мчащейся в небесной выси Особой дружины, вообще до великой войны джиннов и маридов. Даже странно как-то. Умом Искрюгай понимал, что дело в неизбежной природной ограниченности смертных: им просто не под силу объять воображением масштабы этой борьбы. А ведь если мариды одержат верх, переменится самый облик земли, и всё, что сейчас беззаботно живёт и радуется свету, вполне возможно, сгинет навсегда под толщей льдов.

Такое уже бывало...

Однако не везде царил мир. К вечеру четвёртого дня туча прошла над полем боя. По затоптанному, смешанному с грязью снегу ползли шеренги солдат, сверкали вспышки заклинаний, тянулся над полем серый туман орудийных залпов.

Во имя Создателя, они-то ради чего воюют? Мы, джинны, другое дело, мы сражаемся ради жизни на земле... Так думал Искрюгай, хотя, по совести, не было у него глубокого чувства, будто с «нами, джиннами» ему всё так уж совершенно понятно.

На пятый день летели над морем – и снова видели битву. Десятки кораблей кружили по волнам, дырявя друг друга ядрами. Сотни жизней исчезали в пучине. А ради чего?

Странно, до сих пор он об этом не думал ни разу, а ведь доводилось уже участвовать в морском сражении. Но он был спасательным джинном, по международным договорам, спасатели неприкосновенны, и Искрюгай даже по сторонам не смотрел, занимаясь только своим делом. В тот раз он сберёг сорок семь жизней: кого из-под обломков вытащил, кого из огня, кого к шлюпке перенёс... Судовую казну – и ту в руки старпому доставил, а вот корабельный журнал позабыл, поэтому, когда по окончании войны джиннов перераспределяли, Искрюгая направили в гражданский флот.

Теперь, глядя свысока, он недоумевал: для чего смертные так легко расстаются со своими скоротечными жизнями? И ведь глупыми их не назовёшь. Значит, должна быть какая-то причина...

Искрюгаю вспомнился караван посреди пустыни, а заодно и рассказ Отжигая про поединок «Ястреба» и «Комар-бея». Только ли жажда наживы повинна в том, что смертные легко пускаются в рискованные предприятия? Да что им нажива – на тот свет её с собой не заберёшь. Стремление взять побольше от короткой жизни? Полно: не так уж наживутся караванщики, не говоря уж о солдатах и военных моряках.

Один из кораблей внизу медленно погружался под волны, задрав к небу острый нос, и, провожая его взглядом, Искрюгай вдруг подумал: дело не в масштабах. Мы все – дети Создателя, сказал Хан Ифритов, а значит, и у смертных есть гордость, есть чувство долга и ответственности. Те же самые чувства, из-за которых сам Искрюгай под командой великого ифрита летит рисковать если не жизнью, то всеми своими мечтами и трудами...

Почувствовав движение в воздухе, Искрюгай напрягся, но это был всего лишь силф – курьер, спешащий к Сожги-Башке. Предводитель Особой дружины каждый день принимал и отправлял по пять-шесть вестников. Морская битва уже откатывалась к горизонту, и молодой джинн сосредоточился на море. Это стихия маридов, и во время перелёта над водой разведка требовала особой бдительности.

Вскоре подлетел сменщик, Искрюгай вернулся на тучу, перекусил сланцевыми сухарями и присоединился к четверым братьям, упражнявшимся с дротиками. Оторвал клоч тучи, подвесил в воздухе в качестве мишени, отлетел и с разворота всадил в него дротик. Ему было

далеко до других бойцов, но с этим оружием он уже освоился и научился призывать его почти мгновенно.

Он уже почти израсходовал выделенные для тренировки заклинания, когда поблизости раздался голос Джаркима:

–Эй, мирный герой! Держи удар!

Искрюгай едва успел поднять щит – с руки Джаркима сорвались сразу три огненных дрота немалой мощи. Удар был слишком силен, и Искрюгай упал, зарывшись в тучу.

–Ничего-ничего, – подбодрил Джарким, помогая ему выбраться из завихрений водяного пара. – Тяжело в учении – легко в бою.

–И где ты таких умных слов набрался? – проворчал Искрюгай.

–Так один смертный полководец говаривал. И, между прочим, был совершенно прав. Мой тройной удар – это особый приём, я его пятьсот лет оттачивал. Научись его держать – и против маридского ледяного копья выступишь.

–Научусь, вот увидишь. Теперь что – опять ятаганы?

–Нет, – мотнул головой Джарким. – Теперь отдыхай. Мы почти у цели, Сожги-ага отменил тренировки. Никаких занятий, кроме дежурств. Отдыхаем, копим силы – скоро в дело!

–Вот и славно, – вздохнул Искрюгай, внезапно понявший, насколько вымотался за эти дни; не то, что прикасаться к ятагану-красавцу – смотреть на него не хотелось.

Скоро, так скоро, в дело, так в дело, а пока и вздремнуть бы неплохо. Искрюгай удалился за «холм» водяного пара, в котором потрескивало накапливающееся электричество. Там шушукались несколько сильфов, при виде джинна они вытянулись во фронт, но Искрюгай вяло махнул им рукой: сидите, мол. Сам отошёл ещё дальше, на край тучи. Там было совсем тихо, ничего не слышно, даже ветру не в чём шуметь, кроме волос.

Вообще говоря, туча была несоразмерно большой для такого маленького отряда, но до сих пор Искрюгаю некогда было над этим задумываться. А вскоре ему и другим всё объяснил сам Сожги-Башка.

Глава 3 Перелёт на Хлаадун

Часа два проспал Искрюгай, потом его поднял призыв командира, и он, встрепенувшись, поспешил к центру тучи. Сожги-Башка собирал отряд подле рулевого джинна. Пылай-Башке сказал:

–Ты уже знаешь мои планы, брат, так что прошу тебя: возьми дюжину сильфов и замени дозорных на сегодня.

Пылай-Башку к концу пути стало не узнать – отъелся, отоспался, окреп и налился силой, даже залоснился немного. Подхватив своё любимое копьё, артефакт, как говорили, необычайной мощи, он легко поднялся в воздух.

Как только вернулись разведчики, Сожги-Башка мановением руки создал чёрно-белую иллюзию – уменьшенную копию скалистого острова, припорошенного снегом.

–Вот наша цель – Хлаадун, с которого началась нынешняя война. Сейчас вы узнаете мой план, который до сих пор хранился в строгом секрете и был известен лишь мне, моему брату и самому Хану Ифритов. Но прежде расскажу о положении на фронтах. Ежедневные сводки доказывают, что мои предположения оказались верны: марида вынудили нас к оборонительной войне. Предпринятая пять дней назад полком ифрита Исушая попытка вторгнуться в пределы полярного круга привела к поражению: марида хорошо подготовились к обороне, а поскольку им требуется защищать несравненно меньшую территорию, они могут позволить себе держать сильные гарнизоны на всех главенствующих направлениях, одновременно выделяя немалые силы для рейдов. Набеги их становятся всё более массированными – в полном соответствии с моими предположениями, которые я высказал Хану Ифритов. Это привело к тому, что наши силы на данный момент сосредоточены в основных крепостях. Марида лишили нас манёвра и теперь могут в любой момент перейти в полномасштабное наступление, твёрдо зная, что мы

не сможем ни быстро собрать войска для отражения удара, ни тем более контратаковать. Если бы мы знали действительные силы марилов, то могли бы предсказать их стратегию, но, увы, наша разведка оказалась бессильна. Полёты сильфов над полярными областями в последнее время осложнены, пролетая над ледниками, наши союзники теряют волю и превращаются в обычных воздушных элементарей. Это особенно печально в свете того, что сами мы не можем ограничить действие водных духов – нет сомнения, что ундиниты непрестанно наблюдают за нами, и маридамы отлично осведомлены обо всех наших передвижениях. Однако мы не можем позволить себе безропотно ожидать нападения! Мы не будем играть по правилам марилов – и проведём свою игру.

Сожги-Башка сделал всем знак приблизиться к трёхмерной иллюзорной карте.

–Остров Хлаадун не имеет стратегической значимости, и потому выпал из нашего поля зрения после того, как мы отбили его у врага и оставили там небольшой гарнизон. Однако командир гарнизона, средний ифрит Чадим, сообщает о присутствии на острове марилов. Точное их число неизвестно, миссия также остаётся загадкой, но можно предположить, что их задача – погасить подведённый под остров вулканический очаг, чтобы лишить Хлаадун всякой привлекательности для нас и навсегда оставить его под своей властью. Это на первый взгляд, а по сути, они заманивают нас. И мы этим воспользуемся. Как бы хорошо ни была поставлена разведка марилов, наш укрепрайон, Гори-Нураг, – Сожги-Башка коснулся иллюзии, и область у подножия центральной горы засветилась красным, – скрыт от их взглядов. В состав гарнизона входят гномы, и они не позволяют маридамским прислужникам, дэвам и кобольдам, вести наблюдение через стихию земли. Мой план, одобренный Ханом Ифритов, состоит в том, чтобы создать у марилов ложное впечатление, будто Гори-Нураг стал центром сосредоточения наших сил. В последнюю неделю, по моему приказу, на Хлаадун слетаются тучи, в Гори-Нураге останавливаются на отдых драконы – а отбывают только через ту часть береговой линии, которая находится под особым надзором гномов. В прибрежных водах приняты усиленные меры по противостоянию ундинитам. У врага должно сложиться впечатление, будто мы не просто хотим вернуть Хлаадун, но собираем там силы для вторжения за полярный круг. И последние разведданные говорят о том, что дезинформация удалась: маридамы начали стягивать войска для атаки на Хлаадун.

Сожги-Башка сделал паузу, обводя взглядом притихшую дружину.

–Это будет тяжёлый бой. Я хочу, чтобы вы до конца заставляли марилов верить, будто они сражаются с лучшими войсками нашего народа, с самой гвардией Хана. Сейчас я попросил своего брата вылететь вперёд не только для того, чтобы подменить разведчиков. Ундиниты, наблюдая из-под воды, видят огромную транспортную тучу, теперь они сообщают маридам, что с этой тучей летит один из величайших воинов нашего славного племени. На Хлаадуне нам придётся тяжело. Я хочу, чтобы вы выстояли и дождались подмоги. Ибо подмога придёт – но только тогда, когда мы заставим марилов обрушить нас всю свою мощь. Тогда сам Хан Ифритов возглавит новый удар, и маридамские войска окажутся в котле, из которого не смогут выбраться. Успех этой операции может решить исход войны – и всё будет зависеть только от вас, от вашей стойкости и мужества. Пусть грянет бой – и да устроятся маридамы!

Нынешний день был заметно короче предыдущего: джинны всё дальше углублялись в просторы северных морей. На Хлаадуне их ждала долгая ночь.

Искрюгай встретил ранние сумерки на переднем краю тучи, которая теперь снизилась и шла в двух с половиной верстах над морем. Были хорошо видны отмели и острые рифы, и белые барашки среди серых вод, и пенные взрывы на скалистых берегах крошечных островков.

В грозной красоте враждебной стихии было нечто притягательное. Жаль, что сейчас не его очередь идти в разведке – хотелось пролететь над самыми бурунами, услышать, как шипят солёные брызги на горячей коже...

– Можно нарушить твоё одиночество? – раздался за спиной голос Сожги-Башки. – Не вставай, не вставай. Я просто присяду рядом. Красиво, а?

Он взбил край тучи и устроился, свесив одну ногу вниз.

– Что, немного не по себе, мирный герой? – спросил он, помолчав минуту.

– Немного, – осторожно согласился Искрюгай.

Странно и неловко было сидеть просто так рядом с великим ифритом, не слушая наставлений, не обсуждая с ним тактику.

– Это нормально, не переживай. Со всеми бывает. Ничего не боятся только дураки.

– Я понимаю.

– В такие часы, в преддверии серьёзного дела, хороший полководец обязан подбадривать своих воинов, в особенности новичков, – сказал предводитель Особой дружины. – Но ты в этом, кажется, не нуждаешься?

– Вы слишком лестного мнения обо мне, достопочтимый Сожги-Башка.

– Называй меня Сожги-ага, как все. А что касается моего мнения, то за все века и эпохи я, может, и не всегда поспевал за прогрессом, зато научился неплохо разбираться в джиннах. Думаю, я понимаю тебя. Хочешь, проверим? Готов поручиться, ты нередко задаёшься вопросом, что ты здесь делаешь? Правильно ли поступил, отправившись на войну? Не было ли это решение принято лишь потому, что тебя пригласил сам великий Сожги-Башка? Или только потому, что от тебя этого ждали? Ну как, я прав?

– Да, – сказал Искрюгай, невольно отводя глаза.

– А глядя на других, сомневаешься, сможешь ли когда-нибудь стать таким же бойцом, как они?

Искрюгай кивнул.

– Всё это лишний раз доказывает, что ты неглупый малый. Просто тебе, по молодости, трудно найти ответы на свои вопросы, хотя они очевидны. Нет, у тебя почти нет шансов стать таким же бойцом, как, например, мой Джарким. И война – это не место для тебя. Тем не менее, ты поступил правильно, согласившись на моё предложение. Понимаешь?

– Не совсем, – признал Искрюгай.

– В силу нашей бессмертности мы, джинны, несколько костны. Однако эпохи меняются – даже для нас. Казалось бы, совсем недавно землю населяли динозавры, и не было под небом других дел, кроме противостояния джиннов и маринов. Но вот уже наша молодёжь дружит со смертными, и Хан Ифритов при всех возносит хвалу героям мирного труда. Ответ на все твои вопросы, мой юный друг, на самом деле прост: каждый должен заниматься делом, к которому лучше всего приспособил его Создатель. И если для тебя это дело – научная магия смертных, занимайся им, служи Хану Ифритов не кулаком, а головой. Трудись честно – и тебе будет, за что гордиться собой. Что же до войны... Твоё искусство потребовалось мне здесь и сейчас – разве было бы честно с твоей стороны отказать мне в просьбе? Ничего не сделать, когда в твоих силах уберечь многих джиннов от Неугасимого Пламени Недр? Так что не думай о себе как о неудавшемся бойце. Нет, ты – специалист в новом ремесле, воин, владеющий новым оружием. Рубиться предоставь рубакам, а сам делай то, что поможет им уцелеть. Не знаю, сумел ли я подобрать нужные слова...

– Как вы можете сомневаться, Сожги-ага? Вы очень мудры...

– Что ж, лестно это слышать, – сказал Сожги-Башка и усмехнулся: – Не удивляйся, я говорю совершенную правду. Три миллиарда лет назад я явился в мир из Божественного Пламени Недр и ни разу в него не возвращался. За три миллиарда лет я произнёс несчётное число речей, но никогда ещё не сталкивался с такими проблемами, как у тебя, и не подыскивал слова в такой ситуации. Приятно сознавать, что я ещё способен шевелить мозгами. Так что, мирный герой, если вдруг станет тошно, вспомни, о чём мы говорили, и просто делай то, что должен – это главное, что будет иметь значение на Хлаадуне. Ну что, вопросы есть?

–Если позволите, Сожги-ага...

–Позволяю.

–Вы правда думаете, что мы можем победить?

–Конечно! Я ещё никогда не терпел поражений, а я, как все ифриты, несколько консервативен, и не собираюсь изменять этой традиции.

–А можно ещё вопрос? Почему вы не носите свои награды?

–Для меня важнейшие награды – похвала Хана и признание джиннов, их я ношу в сердце, – промолвил великий ифрит с самым пафосным видом и вдруг улыбнулся. – Так я обычно говорю – а на самом деле они просто все на мне не помещаются.

–Ух ты... А когда вы получили свою первую награду?

–Совсем недавно. Удивлён? Просто «заслужил» и «получил» – разные вещи. Традиция-то совсем молодая, ей около ста тысяч лет. Царь атлантов придумал как-то награждать отличившихся воинов почётными знаками, ну, нашим идея понравилась, стали отливать награды из вольфрама и украшать камнями. А чтобы никому обидно не было, наделали орден-ов сразу за все подвиги с Сотворения мира.

–А можно ещё вопрос?

–Не сейчас, – рассмеялся Сожги-Башка. Выпрямившись, он с хрустом потянулся. – Поговорили – и будет. Вообще-то, не время ласы точить. По моим расчётам, на нас скоро нападут. Неожиданный поворот разговора заставил Искрюгай вздрогнуть.

–Как нападут? – воскликнул он.

–Думаю, не слабо. Я ведь не зря такую большую тучу взял. Маридаы думают, нас тут не меньше дивизии. Не переживай, отобьёмся. Ещё заставим их поверить, что тут не одна дивизия, а две. Я всё так и рассчитал, и Пылая в дозоре весь день держу как раз для того, чтобы врага спровоцировать. Его обязательно узнают...

Мудрый Сожги-Башка не ошибся: маридаы узнали его брата и не удержались от нападения. К ночи, когда сгустилась стылая тьма, и только звёзды сияли в чёрном небе, ветер стал порывистым, а туча задрожала. Будучи водяной по природе, она откликалась на отголоски магии маридаов, однако рулевой уверенно держал её под контролем.

–Начинается, – сказал Сожги-Башка. – Все ко мне!

Джинны и сильфиды собрались в круг.

–Поднимите руки! Сейчас я вложу в вас как можно больше заклинаний огненного дротика.

Его тело окутало алое сияние. Он сделал взмах – и волна сокрушительной магической энергии влилась в протянутые к нему руки воинов. Искрюгай почувствовал, как его наполняет сила. Он принял целых девять наборов заклинания, по дюжине дротиков каждый, когда вновь загредел голос Сожги-Башки:

–Слушайте все: за пределы тучи не соваться. У меня есть, чем удивить маридаов, ваша задача – стрелять и стрелять. Видимость будет плохая, потому что я наброшу на тучу Дымку Непроницаемости. Не смущайтесь, стреляйте не переставая. За меня и Пылай-Башку не беспокойтесь, мы знаем, что делаем.

Меж тем ночная тьма вдруг озарилась многоцветным танцем холодного огня. Маридаы зажгли полярное сияние, и стало видно бурное море, по которому плыла громада айсберга, и даже кораблик смертных, борющийся с волнами.

Чуть в стороне, не далее, как в двух милях от ледяной горы, парил на небольшой высоте Пылай-Башка.

А с айсберга одна за другой взлетали белые тени, быстро окружившие возрождённого ифрита. Ослепительная вспышка на миг заслонила его. Искрюгай так и не понял, какое заклинание было применено, но ясно было, что Пылай-Башка без колебаний принял бой.

Белые тени всё взлетали и взлетали, им не было числа.

–Дротики к бою!

Как и обещал Сожги-Башка, видимость резко ухудшилось, мир за пределами тучи размылся, и Искрюгаю не удалось рассмотреть маридов, окруживших тучу Особой дружины. Однако смутные их очертания вполне позволяли прицелиться, и он вместе со всеми призвал дротик. Прозвучала команда: «Беглый огонь!» – и он метнул дротик в ближайшую тень.

Туча стала похожа на ежа, ошетилившегося пылающими иглами.

Рука налилась тяжестью второго дротика, третьего... Совсем рядом завихрения тучи прошло ледяное копье: марида не замедлили ответить на стрельбу, но их снаряды летели наугад, поскольку для них Дымка делала тучу совсем невидимой.

Несколько голубоватых вспышек показали, что марида пытаются взломать чары Дымки, но к успеху это не привело, и тогда они ринулись под её покров.

Искрюгай привык думать о маридах как об отвратительных существах, и в первый миг замешкался, когда на него надвинулась могучая фигура с благородными чертами бледного лица. Эта оплошность едва не отправила его в объятия Неугасимого Пламени Недр, но, по счастью, рядом оказался Джарким – он сбил противника метким броском, а когда тот повалился на ватную поверхность тучи, подскочил и одним взмахом ятагана снёс ему голову.

–Не зевай!

Следующий марида уже подлетал к Джаркиму со спины, поднимая для удара длинный прямой меч с одной заточенной стороной. Один из сильфидов бросился ему наперерез, но был разрублен пополам. Искрюгай метнул дротик. Марида уверенно закрылся ромбовидным щитом, но пошатнулся, потерял лишнюю секунду, и Джарким успел обернуться, чтобы немедленно полоснуть противника по груди. Удар оказался не смертельным, и они закружили друг против друга, покачивая клинками, чуть приподнявшись в воздух.

–Не зевай, мирный герой! – напомнил Джарким, не отрывая взгляда от врага.

–Их совсем мало! – раздалось где-то рядом с характерным маридаким акцентом.

И Искрюгай принялся напропалую метать дротики, почти не целясь и не думая ни о чём.

Бешеная стрельба не позволила маридам атаковать слаженно, и большая часть их бойцов полегла, рассыпалась снежной крошкой, медленно проваливающейся сквозь тучу. Джарким одолел своего неприятеля, но и сам получил рану – левая рука его, посеревшая, болталась, как плеть.

Мастерство бойцов Особой дружины сделало своё дело, ударный отряд марида был уничтожен. Лишь один вырвался из-под Дымки и устремился к айсбергу. Однако Сожги-Башка не собирался его отпускать. Запылав, словно факел, предводитель Особой дружины метеором ринулся вниз, мгновенно настиг удирающего врага и рассёк взмахом огненного бича.

–Ура! – крикнул было Искрюгай, но, как оказалось, поторопился...

Айсберг, грозно покачивающийся среди небывалых валов, выбросил новое полчище марида, а с севера накатывала жемчужно-серая мгла бурана.

Марида умеют управлять тучами, но опасаются это делать, поскольку стихия воздуха, как и огонь, принадлежит джиннам. Зато они могут перемещаться внутри снежных буранов – перед этим недолговечным, но очень скоростным и опасным порождением их магии чары джиннов бессильны.

Дымка за время отсутствия Сожги-Башки поблекла, и Искрюгай успел рассмотреть сыплющую искры круговорот схватки над морем: брат командира продолжал сражаться, и никто ещё не смог его одолеть. Его боевое искусство ошеломляло, но долго ли он продержится против десятков врагов? Из белёсого сумрака бурана вылетел новый отряд марида и тоже устремился к нему...

А невдалеке терпел бедствие корабль смертных. Опытному спасателю хватило беглого взгляда, чтобы понять: судно обречено. Свирепая качка расколола борт, вода хлынула в трюм.

Корабль не проведёт на плаву и часа, а спускать шлюпки среди шторма, порождённого столкновением стихийной магии, нечего и думать: в них никто и спуститься не сможет.

Причём, что хуже всего, на борту, кажется, не было джинна. То ли хозяин судна сэкономил на безопасности, то ли штатный спасатель уволился со службы, когда до него дошла весть о войне с маридами...

Дымка снова сомкнулась: Сожги-Башка вернулся на тучу и велел рулевому подвести её ближе к Пылай-Башке. Туча содрогалась под ударами тяжёлых заклинаний – чары маридов вымораживали в ней кусок за куском, в море сыпалась ледяная крошка. Искрюгай видел, как заморозка оледенила двух сильфидов, и они тоже полетели вниз.

–Спокойно! – раздался голос Сожги-Башки. – Дротиками по бурану – беглый огонь!

По бурану? Это ещё глупее маридской стрельбы ледяными копьями через Дымку Непроницаемости! Однако Искрюгай вместе с остальными послушался, встал на краю тучи и принялся забрасывать накатывающую белую стену дротиками, которые, как и следовало ожидать, на большом расстоянии теряли мощь и бессильно гасли, не успев углубиться в снежные вихри.

Но Сожги-Башку это не смущало.

–Молодцы! Наддай, ещё наддай!

А расстояние всё сокращалось. Стрельбе это, правда, на пользу не шло, всё равно защитные чары маридов были слишком сильны для такого оружия. Засвистели вокруг вырвавшиеся из бурана градины величиной с кулак. Донёсся чей-то крик боли, потом другой... На глазах Искрюгая один из джиннов был поражён сразу тремя ледяными снарядами и растворился в багровой вспышке – его приняло Неугасимое Пламя Недр.

Если бы не малочисленность джиннов, сообразил Искрюгай, потери от обстрела были бы устрашающими.

Но что ещё ждёт впереди? Вот-вот буран разнесёт тучу, и джинны будут рассеяны по воздуху среди сотен разгневанных маридов...

И вдруг вал огня разрезал стену бурана! Взмыли кверху и засверкали, смерзаясь, кристаллики пара. Вспышки багрового пламени не прекращались. Из белесой круговерти, прошив её насквозь, вылетели два бронированных дракона. Снизившись, они прошли под грозовой тучей, снова набрали высоту и, сделав круг, повторно обрушились на маридов.

Надо отдать маридам должное – они не думали сдаваться. Драконье пламя разрушило буран и причинило заметный ущерб живой силе, но ледяных духов оставалось ещё много, и неспешный разворот огнедышащих ящеров давал им несколько лишних минут. Спешно собрав из обрывков бурана снежные вихри, они устремились к туче, справедливо полагая, что, смешавшись с противником в рукопашной, избегнут угрозы со стороны драконов.

Однако у Сожги-Башки на этот случай имелось ещё одно мощное оружие, и он успел им воспользоваться, хотя времени оставалось совсем немного. По мановению его руки туча разразилась каскадом ослепительных молний. Грянул гром, столь страшный, что от него, казалось, может рассыпаться даже могучая полоть джиннов.

Против бурана молнии были бесполезны: слишком мощный магический щит выставили перед ним марида. Но отдельные вихри, да ещё на предельно малой дистанции, не могли защититься от электрического удара.

Марида тоже умеют управлять электричеством, но далеко не так ловко, как джины...

Удар был поистине сокрушительным. В мгновение ока молнии истребили большую часть маридов. Туча словно просела, лишившись запаса энергии, но немногие уцелевшие враги уже летели в панике к айсбергу.

–Внимание всем! – прогремел Сожги-Башка. – Разбиться на два отряда, построение «дикобраз», принять драконов в строй, штурмовать айсберг! Джарким, Искрюгай – за мной! – прибавил он и метнулся вниз.

Искрюгай последовал за ним без промедления. Страх не осталось, стремительный разгром ужасающего бурана заставил его поверить в близкую победу.

Пылай-Башке между тем грозило новое погружение в Божественное Пламя. Возрождённый ифрит, уже потерявший всех вылетевших с ним в дозор сильфидов, сражался из последних сил. Огненный бич его выписывал в воздухе замысловатые восьмёрки, не позволяя врагу приблизиться. Но тело его покрывали десятки ран, а маринов вокруг было слишком много; они засыпали ифрита голубовато светящимися копьями и давили, стремясь прижать его к воде, под поверхностью которой скользили зловеющие тени.

–Джарким, прикрывай новичка! Мирный герой, твой выход!

Объяснять не пришлось. Приблизившись к месту схватки, Искрюгай сорвал с пояса одну из бутылей и швырнул в маринов. Пространство развернулось, раскидало врагов, и Пылай-Башка, проскользнув между ними, воссоединился с братом.

Чар одной бутыли явно не доставало, чтобы всерьёз повлиять на такое количество маринов. Однако, используя эффект неожиданности и навыки управления пространством, Искрюгай удалось на обратной тяге снова свести врагов в одну кучу. Два великих ифрита обрушились на ошеломлённых противников. Морские чудища под поверхностью моря бросились врассыпную.

Но Искрюгай этого не увидел... Волнение первого боя, непривычное использование спасательных чар сыграли с ним злую шутку. Совершив ошибку новичка, он забыл погасить откат – и словно гигантская катапульта швырнула его на дюжину вёрст.

Когда он вернулся к месту схватки, или, по крайней мере, близко к нему, насколько можно было сориентироваться между бушующих волн, так никого уже не было.

Искрюгай бессильно сжал кулаки. Как глупо... Что теперь делать? Наверное, лететь к айсбергу...

Стояла тишина, нарушаемая только воем ветра в провалах между гигантскими волнами. Внезапно Искрюгай расслышал иные звуки – надсадный скрип, и скрежет, и треск крушения. Корабль смертных!

На миг он замешкался: всё-таки он на войне, и вдруг прямо сейчас его помощь потребуется соратникам? Но не было вокруг никого из бессмертных, поредевшая, но всё ещё обширная грозная туча скользила высоко в небе, и айсберг едва виднелся в бликах полярного сияния, а где-то совсем рядом гибли ни в чём не повинные разумные существа – и гибли из-за битвы.

Искрюгай поднялся повыше и в четверти кабельтова разглядел среди водяной круговерти корабль. Мачты сломаны, вода гуляет по палубе, крен градусов двадцать пять. Дым из трубы не идёт – машинное отделение залито, и счастье ещё, что не взорвался паровой котёл.

Искрюгай разбил бутылку над палубой и тут же усилием воли удержал энергию заклинания. Спокойно, главное – спокойно... Он не имеет права выкладываться до развоплощения, напротив, должен сберечь как можно больше сил. Да и катастрофа не воздушная, время исчисляется не долями секунды.

Первым делом Искрюгай внимательно осмотрелся и сразу обнаружил уцелевших смертных – их было всего девять – у остатков разбитой в щепы рубки, с подветренной стороны. Они уже ничего не могли сделать. Все их магические силы были израсходованы в бесплодных попытках ослабить шторм.

Искрюгай сразу понял, что следует предпринять: он использовал заряд бутыли для индивидуального ускорения времени каждого из моряков. Качка для них замедлилась, и они бросились к единственной уцелевшей шлюпке. Искрюгай сократил для них и расстояние, а сам, покуда терпящие бедствие спускали шлюпку на воду, облетел корабль, но больше ни одной живой души не нашёл. Тогда он проник на камбуз, взял сухари и пресную воду, подумав, добавил солонины и две бутылки рому; на обратном пути заглянул в кубрик, в нём нашлось

несколько сухих одеял. По привычке чуть было не отправился искать судовую казну и журнал, но вовремя одёрнул себя: «Это уж точно не моё дело!»

Вылетев наружу, он вручил удивлённым морякам припасы и хотел уже развеять остатки заряда, как вдруг заметил, что с северо-востока стремительно накатывает огромный вал. Он буквально подминал под себя штормовые волны и рос, увеличиваясь на глазах. Сквозь заывания ветра прорывался порождаемый им неопиcуемый гул.

Искрюгай рывком поднял шлюпку в воздух, пропуская под днищем чудовищную массу враждебной стихии. Вслед за первым валом шли три других, поменьше, но даже между ними, кажется, можно было различить рельеф морского дна. Удерживая шлюпку с замершими от ужаса смертными, молодой джинн огляделся, но вокруг царил всё тот же хаос, неведь откуда взявшиеся валы стремились к горизонту. Терпящее бедствие судно исчезло без следа. В сравнении с валами оно выглядело не больше песчинки, и теперь даже не предскажешь, на какой берег выбросит его обломки...

Но вот воды внизу начали успокаиваться. Искрюгай опустил шлюпку – чуть не выронил на последнем дюйме, но из моряков никто даже не охнул.

Чистая работа! Всё на энергии бутылки, а сам и не устал. Почти. Но, по правде говоря, хвалиться нечем, будь он на службе, его за такое спасение в шею бы гнать стоило: неведь сколько народу погибло, ценности идут ко дну, а уцелевшие брошены на произвол судьбы посреди бурного моря.

С другой стороны, хоть что-то сделал – уже хорошо...

–Здорово, морячки! – поприветствовал он смертных, зависнув над шлюпкой.

–Благослови вас Господь, сударь! – ответил ему один из них – капитан – по-заморски. – Вы появились как нельзя более вовремя.

–Да где уж вовремя, – махнул рукой Искрюгай и добавил, не без труда подбирая слова (с заморским у него было не очень): – Ведь я спас не всех?

–Не всех, но у нас на борту было не много разумных, – ответил капитан. – Мы потеряли троих, как только разразился этот ужасный шторм. Вы не знаете его причину?

–Знаю. У нас сейчас война с маридами, так вот, тут битва была.

–Во имя Господа! – вздрогнул капитан. – И вы ещё нашли время прийти нам на помощь? Я всегда говорил, что джинны вовсе не жестоки и бездушны, как считают многие сухопутные крысы... Позвольте ещё раз поблагодарить вас, сударь!

–Не за что. Как вы дальше-то? Тут воды пустынные, а мне нужно возвращаться к своим. Но я попрошу командира, чтобы позволил установить для вас благоприятный ветер.

–Об этом не беспокойтесь, шторм, я вижу, идёт на убыль, так что ветер мы заговорим сами, – заверил его капитан. – Лучше подскажите, не отнесло ли нас слишком далеко в сторону – мы двигались на остров Хлаадун.

–И, умоляю, скажите, какова сейчас обстановка на Хлаадуне? – воскликнул ещё один смертный, единственный из спасшихся, кто явно не был моряком.

Говорил он на забугорском, этот язык Искрюгай знал лучше и откликнулся на нём:

–Хлаадун? Зачем он вам понадобился?

–Там работает группа учёных, – пояснил смертный. – Бог знает, что с ними станет теперь... Я сам намеревался присоединиться к ним, но тут пришли известия о войне, джинны потянулись на фронт, и погода нелётная... пришлось нанимать шхуну... Мы обязательно должны их спасти, понимаете?

–Так что там, сударь, на Хлаадуне? – перебил его капитан. – Тихо?

–Пока что тихо, но, боюсь, ненадолго. Что ж, господа, держите норд-норд-вест, Хлаадун уже близко. А я поговорю о вас с командиром.

– Не могу не признать: ты во многом оказался прав, – сказал Пылай-Башка брату, приподнявшись на своём облачном ложе. – Бутылки твои – изобретение полезное, и новичок недурно показал себя. Но дисциплина в твоём отряде...

– Дисциплина в моей дружине в точности такая, какой я хочу её видеть, – с лёгким нажимом сказал Сожги-Башка. – И, кажется, мы решили это не обсуждать.

– Не будем, – кивнул Пылай-Башка. – Просто скажи, почему новичка не было с нами возле айсберга.

– Именно потому, что он новичок. Не получив приказа, он не знал, как действовать. И, к слову, выбрал наилучший вариант.

– Заняться посторонними делами, пока идёт бой, по-твоему, наилучший вариант? – возмутился Пылай-Башка.

Его брат отвечал с улыбкой:

– В его ситуации – да. Искрюгай! – обратился он к юному джинну. – Спору нет, иногда ты вёл себя как раздолбай. Под водой, между прочим, кракен околачивался, и будь он посмелее, то двадцать раз успел бы тебя сожрать. И лишились бы мы специалиста, заменить которого, во всяком случае, быстро, нечем. Однако за то, что не бросил смертных – хвалю! Нам нужны хорошие отношения с ними. Особенно сейчас, когда возможное возвращение сотен джиннов может изменить ход войны. Единственным, кто заслуживает сегодня выговора, стал Джарким.

Молодой джинн встрепнулся, готовый к спору. Но теперь Искрюгаю стало ясно, почему с начала дружинного собрания он сидел тише воздуха на закате: ждал этого момента. Однако Сожги-Башка, вместо того, чтобы назвать ошибку своего ординарца, спросил:

– Как думаешь: почему я делаю тебе выговор?

Джарким закусил губу.

– Ну... За то, что я увлёкся. Ты поручил мне охранять Искрюгая, а я оставил его. Но ведь было очевидно, что с ним ничего не случится! И что после всего нужно двигаться к айсбергу...

Пока Искрюгай спасал смертных, марида успели домчаться до ледяной горы, но великие ифриты, джинны и драконы сумели её разрушить и истребить всех врагов до единого. Айсберг был расколот – его разрушение и породило те гигантские валы.

– Очевидным было лишь то, что твой боевой товарищ дезориентирован, – сказал Сожги-Башка. И, хотя голос его не слишком изменился, стало понятно, что короткая дискуссия завершена. – Поскольку твоя ошибка не имела последствий, а даже привела к спасению ни в чём не повинных смертных, выговор отменяю. Но искренне надеюсь, что ты сделаешь выводы на будущее. Отныне безопасность Искрюгая становится твоей основной задачей, пока я не отдам иного приказа.

– Слушаюсь, Сожги-ага!

– Отлично. Что ж, сейчас вокруг спокойно, мы имеем право отпраздновать победу. Скорее всего, это последний случай, когда мы позволим себе расслабиться. Искрюгай, можешь слетать к смертным. Передай им пару сильфидов, чтобы обеспечивали ветер, под парусом твои спасённые через два дня будут на Хлаадуне. Ещё дай им саламандру, – Сожги-Башка щелчком пальцев сотворил огненного духа и вложил его в ладонь Искрюгая. – Причалить им лучше в Чёрной Бухте, сильфиды покажут, где это. Ну, давай поскорее, пока столы не накрыты. Джарким, а ты что сидишь?

Ординарец с готовностью встал рядом с Искрюгаем, и оба джинна, покинув тучу, устремились вниз.

Смертные вновь благодарили – аж неловко стало. Подняв парус, моряки натянули над шлюпкой тент, в середину поставили пустой котелок, в который запустили подаренную саламандру – Искрюгай заговорил её, и она стала бегать по кругу, распространяя тепло. С окончанием битвы море стало успокаиваться, ундицитов и водных чудищ поблизости не наблюдалось.

Можно был не сомневаться, что смертные благополучно доберутся до Хлаадунa. Вот только сумеют ли оттуда выбраться?

Ну, время покажет...

Джарким был необычно тих. Его молчание беспокоило Искрюгаю. Наверное, личному ординарцу великого ифрита не очень приятно оказаться в роли простого телохранителя какого-то новичка. И это нехорошо, потому что им вместе ещё работать и работать. Однако, как исправить положение, Искрюгай не представлял, и потому с разговорами не лез.

На обратном пути Джарким заговорил сам:

–Тебе не показалось, что Сожги-ага как-то странно смотрел на нас с тобой?

–Нет, пожалуй... А что?

–Конечно, где тебе разобраться, ты его совсем не знаешь... – протянул Джарким. – Ладно, просто скажи по совести – я не обижусь... Ты подумал про меня что-нибудь плохое? Вроде того, что я нарочно оставил тебя в бою. Ну, не знаю, позавидовал твоему успеху, что ли...

–Что ты, Джарким, разумеется, нет! – воскликнул Искрюгай. – Почему тебе пришло это в голову?

–Ну, я рад. Видишь ли, Сожги-ага настолько мудр, что для него любое лицо – как открытая книга. Он выглядел таким озабоченным, вот я и подумал, не из-за тебя ли он тревожится. Ну, если нет, всё в порядке.

Джарким улыбнулся, Искрюгай ответил на улыбку. Проблема как будто была решена... но почему-то напряжение между ними никуда не исчезло. Хуже того: Искрюгай понял, что мысль о возможной подлости Джаркима – мысль, решительно чуждая его натуре, – теперь грозит крепко обосноваться в голове.

–А что, трудно было развалить такой большой айсберг? – спросил Искрюгай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.